

Людвиг Штур
и его время

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт славяноведения и балканистики

ЛЮДОВИТ ШТУР И ЕГО ВРЕМЯ
(К 175-летию со дня рождения)

Москва
1992

Сборник статей

Материалы научной сессии, посвященной
175-летию со дня рождения выдающегося
деятеля словацкого национально-освободительного движения середины XIX в.
- Людовита Штура /1815-1856/

Редакционная коллегия:

Л.н.Смирнов - ответственный редактор,
Е.н.Масленникова

ISSN 5-201-00728-7

Институт славяноведения
и Балканистики РАН,

1992

К 175-летию со дня рождения Людовита Штура

29 октября 1990 г. исполнилось 175 лет со дня рождения выдающегося деятеля словацкого национального движения середины XIX века, идеолога и политика, поэта и журналиста, ученого-языковеда - Людовита Штура /1816-1886/.

В истории словацкого народа - это одна из самых ярких личностей. Всю свою недолгую жизнь Людовит Штур посвятил борьбе за светлые идеалы свободы и демократии, за социальные и национальные права своего народа. Его политическая, научная и литературная деятельность проходила в эпоху революционных потрясений в Европе, приведших к краху феодального строя и становлению новой капиталистической общественно-экономической формации.

Штур был одним из призванных вождей словацкого национально-освободительного движения, органически связанного с ключевым этапом истории словацкого народа - кульминационным периодом формирования словацкой нации. Его философские и этические взгляды сыграли важную роль в становлении национальной идеологии словаков. Он был активным политиком, инициативным организатором, пламенным трибуном, смело выступавшим против феодальных порядков и национального угнетения народов. Его отличали высокий интеллектуальный уровень и широкая образованность, чистота и благородство помыслов, романтический пафос, бескорыстное самоотверженное служение родному народу, поистине харизматическое влияние на современников, особенно на молодежь. Велики заслуги Штура в области словацкой национальной культуры: как ученого-языковеда, основоположника общенационального литературного словацкого языка, как поэта, критика и журналиста, как глубокого знатока, собирателя и исследователя устного народного творчества, как идейного вдохновителя многих культурных начинаний, в частности, создателя и редактора первой политической газеты на словацком языке.

Для Штура было характерно постоянное стремление к укреплению межславянских культурных связей, к пробуждению взаимного интереса к духовной жизни, литературе и языкам славянских народов. Он внес, в частности, значительный вклад в развитие словацко-русских культурных и научных контактов. Творчески развивая концепцию Я. Коллара о славянской взаимности, Штур горячо отстаивал идею диалектического сочетания единства и многообразия, подчеркивая, что расцвет культуры отдельных славянских народов будет способствовать процветанию славянства в целом. При этом он рассматривал славянскую культуру как неотъемлемую часть мировой общечеловеческой культуры, справедливо отмечая существенный вклад славян в развитие европейской цивилизации.

Естественно, что творчество и разносторонняя деятельность Штура всегда привлекала и привлекает к себе пристальное внимание ученых. В связи со 175-летием со дня его рождения 25 декабря 1990 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР была проведена научная сессия, которая носила комплексный характер: в ее работе приняли участие историки, лингвисты, литературоведы и культурологи. В докладах, прозвучавших на сессии, были раскрыты характерные особенности эпохи, в которой зарождалось и развивалось словацкое национально-освободительное движение, и освещены различные аспекты общественно-политической, научной и литературной деятельности Штура. Еще раз было убедительно показано, что невозможно представить себе историю словацкого народа, историю словацкой культуры без имени Штура, который по праву является символом словацкой нации, что его идейное и научное наследие во многих отношениях не утратило своей актуальности и заслуживает дальнейшего изучения и нового осмысления.

Отв. редактор

Исторические условия и предпосылки зарождения национальных движений в Венгерском королевстве

I. Восемнадцатый век - время больших перемен в жизни европейских народов, время сосуществования, противостояния и противоборства двух общественно-экономических формаций. Во всемирно-историческом масштабе его содержание, ход и течение предопределяли три эпохальных события: Европейское Просвещение, американская революция /война за независимость британских колоний в Северной Америке/ и Великая французская революция, наложившая отпечаток на ход исторического процесса в течение всего последовавшего столетия.

В этом смысле, однако, "Век Просвещения" для стран и народов ареала Центральной, Юго-Восточной /Балканы, европейские владения Османской империи/ и Восточной Европы /Россия, Польша, Прибалтика/ начался позднее, чем на Западе континента, ибо в первой половине столетия страны этого обширного ареала продолжали безмятежно пребывать в неподвижности средневекового мракобесия, даже в середине века ветер перемен едва коснулся самой западной периферии центрально-европейского региона - австро-чешских земель - этой контактной зоны между Западной Европой, с одной стороны, Юго-Восточной и Восточной - с другой.

В восточной части региона Центральной Европы "плоды просвещения" - европейского - по-настоящему начали созревать лишь в последнюю треть века, в канун и во время французской революции и даже несколько десятилетий спустя.

Для всех трех регионов восточноевропейского ареала в целом характерно было существенное отставание от передовых стран в темпах развития, в особенности, производительных сил, рост которых был деформирован и скован более чем на два столетия вследствие торжества феодальной реакции и длительного господства системы так называемого "вторич-

ного издания крепостничества". Включение ареала в складывающуюся начиная с XVI в. систему мирового хозяйства объективно способствовало углублению этой тенденции, предопределившей превращение восточноевропейских стран в зависимую от капиталистического центра периферию, в поставщика дешевого промышленного и сельскохозяйственного сырья. Эту свою функцию ареал осуществлял наращиванием экономической мощи помещичьего хозяйства и его товаропроизводящего потенциала, неизбежным следствием чего стал неуклонный упадок крестьянского хозяйства, расширение сферы применения дарового и подневольного /барщинного/ труда крепостных, одним словом, усиление феодально-крепостнической системы и всей правовой надстройки, ее обслуживавшей.

В силу вышесказанного производственная сфера оказалась наиболее застойной и неподвижной из всех сфер человеческой деятельности. Новые веяния, стимулировавшиеся подъемом индустриальной цивилизации на западе континента, в восточноевропейских регионах находили свое проявление прежде всего в культурно-идеологической сфере, в общественной мысли, во взглядах передовых мыслителей, писателей — людей, по праву носивших в некоторых странах гордое имя "будителей".

2. Взятие Бастилии в июле 1789 г., положившее начало великой революции, застало империю Габсбургов в состоянии сильнейшего брожения. Захватническая война, которую Австрия вела против Османской империи, принесла народам новое тяжкое бремя, потери и страдания. Всеобщее недовольство охватило все слои общества. Особенно активные формы оно приняло в двух противоположных концах империи — в Бельгии и Венгрии. Антигабсбургское движение, принявшее в Бельгии большой размах уже в 1787 г., с началом революции переросло во всеобщее национальное восстание. Оно завершилось осенью 1789 г. изгнанием из страны австрийских войск и провозглашением республики.

В Венгрии феодальное по первоначальному характеру движение дворянства, ущемленного в своих интересах ре-

формами, стало выходить за узкосословные рамки и все больше принимать национальный характер. Комитетское дворянство сумело организовать и возглавить эффективное сопротивление насильственному набору солдат в австрийскую армию и реквизициям продовольствия и фуража, практически парализовав пополнение и снабжение войск. Венгерские дворяне, говорилось в памфлете того времени, "решили не давать ни гарниза хлеба, ни гроша денег, ни одного рекрута". Они запаслись оружием, готовы в любую минуту к восстанию. В Берлин и Веймар были направлены представители оппозиционного дворянства для переговоров о низложении Габсбургов и избрании королем Венгрии герцога Веймарского Карла-Августа. Сознавая свое бессилие, в конце января 1790 г. смертельно больной император подписал указ об отмене всех своих декретов, за исключением трех - об отмене крепостничества, об оплате низшего духовенства и о веротерпимости. Одновременно он обещал созвать Государственное собрание и восстановить конституционный строй. Абсолютизм признал свое поражение, он отступил, но водворить порядок и спокойствие в Венгрии не сумел. Возбуждение в стране нарастало все больше, а общественно-политическая активность невиданных прежде масштабов и глубины, ломая сословные представления, находила все новые и новые формы выражения. Как никогда ранее шла широкая подготовка к сессии Государственного собрания; на комитетских собраниях наряду с выборами делегатов происходила выработка для них наказов. Так возник легальный форум для выдвижения и публичного обсуждения политических программ, и поскольку комитаты поддерживали между собой постоянные и оперативно действующие контакты, обмениваясь мнениями, информацией и программами, то появилась возможность для формулирования общественного мнения - необычного для феодальной эпохи явления. Оно отражало настроения, взгляды, позиции привилегированного дворянского сословия, которое являлось самой политической активной частью венгерского общества и было к тому же довольно многочисленно - составляло 5-6% населения, уступая в этом

отношении из всех европейских стран только Польше, где шляхта составляла около 10%. К тому же, выдвигая популярные в широких массах лозунги, он сумело заразить своим патриотизмом значительное большинство горожан и крестьян и пользовалось каждым случаем и поводом, чтобы подогреть антиабсолютистские настроения. Событием национального значения стало возвращение короны Св. Литваны в Венгрию. На всем пути следования торжественной процессии от Вены до Буды устраивались шумные манифестации, празднества с танцами, песнопениями, особенно популярной была песня о Ракоци, с патриотическими лозунгами, вроде "Да здравствует венгерская свобода!" и т.п. Под предлогом охраны и почетного эскортирования короны формировались бандериумы и другие добровольные вооруженные отряды дворян. Процессия прибыла в Буду 20 февраля в день смерти императора. Чтобы не омрачать праздника, весть о ней держалась в тайне в течение дня.

Формирование и обучение военному делу отрядов продолжалось. Собрания нескольких комитатов обратились к венгерским полкам, дислоцированным в других провинциях империи, с призывом вернуться домой и встать на защиту родины и конституции. Эти призывы не остались без отклика. Позднее, в ходе сессии Государственного собрания, в его адрес поступали просьбы полков о назначении венгерского главнокомандующего, введении венгерского языка в частях и др., т.е. был поставлен вопрос о создании национальных вооруженных сил.

На несколько месяцев габсбургская власть над Венгрией оказалась почти полностью парализованной, фактическую власть в стране осуществляли восстановившие явочным порядком свое самоуправление комитаты. Ситуация для венского двора сложилась тупиковая. О вооруженном подавлении венгерского сопротивления не приходилось думать. Изнурительная война с османами продолжалась. Более того, султан Селим III заключил союз с Фридрихом Вильгельмом против Габсбургов, тот придвинул свои корпуса в Силезии вплотную к

австрийской границе; угрожая войной, Берлин продолжал диктовать с фрондирующим дворянством Венгрии, рассматривая вариант возведения на ее престол кронпринца прусского.

Смерть императора, обезглавив аппарат управления, еще более усугубила царивший в империи хаос, но в то же время она создала единственно возможный в этой обстановке выход из опасной ситуации. Таким спасительным шансом являлась смена караула в Хофбурге. Она была не только весьма кстати, но и чрезвычайно удачной. Леопольд II, младший брат покойного, был тоже приверженцем Просвещения и прослыл просвещенным монархом за свои деяния в Тоскане, где он долгие годы правил в качестве великого герцога тосканского. В одном отношении он был полной противоположностью брата. Он был терпеливым искусным тактиком, обладал трезвым умом и волей. Тонко оценив ситуацию, через четыре дня после смерти Иосифа - в Вену он прибыл лишь 12 марта - он послал эрцгерцога Франца в Венгрию с поручением заверить сословия в своем намерении уважать их права и соблюдать венгерскую конституцию. Через день после прибытия в столицу он повторил это уже публично в торжественной обстановке и в конце марта объявил о созыве Государственного собрания 6 июня в Буде. Через две недели он сделал письменное предложение прусскому королю о мирном урегулировании, хотя и не добился успеха, ибо в мае прусская армия заняла очередные учения у самой границы Чехии. Примирения с Пруссией пришлось ждать - до заключения знаменитого Райхенбахского соглашения, ставшего первым камнем в фундаменте первой антифранцузской коалиции реакционной монархической Европы.

Но пока прусский тыл был оголен, с Венгрией надо было проявить обходительность: предлагать уступки, а кнут держать за спиной. Леопольд хорошо знал и слабые места своего опасного противника: нежелание дворянства добровольно расстаться со своими привилегиями и противоречие его классовых интересов антифеодальным устремлениям крестьян. Весной многие комитаты вновь были охвачены кре-

стьянскими волнениями, они отказывались от выполнения повинностей, разумно считая их "несправедливыми", а кое-где даже пытались вернуть себе те земли, которые были у них отняты незаконно помещиками. Среди деревенских писарей и священников, облакавших крестьянские жалобы и требования в письменную форму в виде петиций и памфлетов, оказалось, как потом достоверно было установлено, немало платных агентов двора. В деревне шла усиленная агитация за "доброе короля" и против "помещиков-злодеев", против "пьящей и жрущей орды", дворян — единственных виновников злочлчений простого народа. В одной листовке — с ссылкой на "Общественный договор"! — говорилось с необходимости уничтожить сословную конституцию и заключить новый договор непосредственно между королем и народом, минуя дворянство.

Леопольд приблизил к себе представителей прогрессивной Йозефинистской интеллигенции, желая тем самым противопоставить последнюю дворянской оппозиции. Среди них был будущий руководитель якобинцев Й. Мартинович. Кроме социальной демагогии, у императора в запасе было еще одно грозное оружие — межнациональная рознь. В марте он принял предложение сербского митрополита М. Путника о приг лении на сессию Государственного собрания православных епископов и о созыве церковного сабора — национального конгресса сербов Венгрии.

Словом, шла усиленная подготовка к решающему столкновению, ареной которого должно было стать Государственное собрание. Среди множества программ, выдвинутых различными течениями дворянской оппозиции, наибольшее внимание привлекла программа одного из ее лидеров П. Балоба. Вот ее основные положения: ежегодный созыв Государственного собрания, отсрочить сессию вправе только само собрание, а не король, и не более, чем на три года; король может отклонить законопроекты Государственного собрания только один раз; при короле должен функционировать сенат, обязанный приостановить незаконные распоряжения короля, на сенат же, избранный собранием, должна быть возложена вся

исполнительная власть; объединение Венгрии с Трансильванией. В обосновании этих требований указывалось, что дом Габсбургов лишился прав наследования венгерского престола тем, что Иосиф II отказался короноваться, поэтому "нация" обрела право заключить новый договор с государем, который должен четко зафиксировать: Венгрия - самостоятельное государство, независимое в своих внутренних и внешних делах от других стран, подвластных Габсбургам.

Эта программа выражала в первую очередь эгоистические интересы дворянства и пользовалась поддержкой его большинства, превыше всего ставившего собственные привилегии. Политическую философию ретроградных слоев дворян с грубой прямотой выразила резолюция комитета Саболяч:

"Провидение хотело, чтобы одни рождались королями, другие - дворянами, а третьи - слугами".

Иные, альтернативные варианты выдвинули тогда же в 1790 г. представители прогрессивной венгерской мысли, воспитанные на традициях Просвещения и впитавшие в себя политические идеи и практический опыт Великой Французской революции, современниками которой они были. Гёргей Берзевици, венгерский дворянин, словак по происхождению, пионер буржуазной экономической мысли в Венгрии, причину бед и невзгод родины видел не только в политике династии, но также и в "чрезмерном неравенстве сословий", в привилегиях одних - дворян и в угнетении других - крестьян. Как дворянин, он отвергал покушения венского абсолютизма на конституционные права и свободы Венгрии, но как просветитель-Иозефинист, готов был поддержать усилия "просвещенного абсолютизма" в устранении конституции венгерского государства, полагая, что таким путем оно получит "население, фабрики, торговлю, индустрию, богатство..."

Берзевици осуждал деспотизм императора не только потому, что он пытался "лишить великодушную венгерскую нацию старинных прав и конституции", но и потому, что считал в принципе абсурдной идею унификации полиэтнической империи: "никогда не будет возможно влить в одну форму нидерландцев с хорватами; бессмысленно ввести Милане

такую же систему правления, как и в Галиции". Он, как и все другие национальные лидеры, ссылаясь на Руссо, идеи которого служили мощным оружием борьбы против феодально-абсолютизма в империи. Надо сказать, что в эти годы в Венгрии не было писателя, популярнее дана-дека Руссо, и политического учения, более распространенного, чем концепция "общественного договора". Популярными были в стране не только "Исповедь" и "Общественный договор", но и его "Рассуждения о принципах управления в Польше". Положение последнего произведения о том, что польская нация отличается от других наций "по природе, управлению, нравам, языку", потому сама должна определить форму правления, казалось созвучным идее венгерской государственности и служило ее обоснованию.

После начала Французской революции Берзевици пришел к убеждению, что венгерское дворянство само добровольно должно освободить крестьян, но настаивал в то же время на сохранении политической гегемонии и основанной на земельной собственности экономической мощи своего класса. Такую же двойственность проявлял Берзевици в остро актуальном вопросе о замене латыни венгерским языком. Он выступал против этого требования, поскольку считал, что латынь — единственный язык, который может объединять мадьяр, славян, немцев, русин, влахов Венгрии. Как бы ни желательно, чтобы все эти народы пользовались венгерским, "вряд ли это осуществимо когда-либо". И вообще, — продолжал он, — "что заставит половину жителей Венгрии писать и говорить по-венгерски?". Латынь — не чужой язык в этой стране и он понятен всем. Казалось бы, разумный и демократический подход, учитывающий интересы всех народностей королевства. Однако исходным моментом для него оставался чисто сословный подход. Политическая целесообразность и конституция, утверждал Берзевици, требуют, чтобы "простой народ был исключен из общественной жизни и делает необходимым язык ненародный". Берзевици был приверженцем девиза Иосифа II: "Все для народа, но не через народ!". А венгерский язык был, в отличие от латыни, языком про-

столяродья.

Теми же классовыми интересами обуславливалась его непоколебимая приверженность к популярной теории "завоевания", суть которой сводилась, примерно, к следующему: королевство Венгрия завоевано свободными войнами династии Арпадов, и по праву оружия и по праву завоевания оно со всеми находящимися в нем землями безраздельно и законно принадлежит их потомкам — дворянству. Постулат этот был краеугольным камнем феодальной венгерской идеологии и служил историческому обоснованию права дворянства на господство над крестьянами и над всеми народами королевства. Именно поэтому в бытующий и по сию пору термин "хонфогладаш", т.е. "заятие родины" однозначно вкладывался смысл "захват", "завоевание". Порожденный реакционной гегемонистской идеологией, этот термин полностью игнорирует исторический процесс мирного освоения занятой территории, сознательно не допуская никакого другого толкования.

Более радикальную как в социальном, так и в национально-политическом отношении программу выдвинул бывший лозефинист, бесспорный признанный лидер радикальной интеллигенции, к тому же — редкий случай! — надворянин, видный ученый-правовед, по словам поэта-якобинца Й.Казинци, "человек пламенной души, страстно любивший свою родину", Хайноци. Его программа буржуазных преобразований предусматривала упразднение всех феодальных повинностей крестьянина, включая барщину, за выкуп, признание за ним прав на земельную собственность, всеобщего налогообложения, т.е. ликвидацию налоговых привилегий дворян, отмену монополий цехов, развитие торговли и промышленности. Хайноци, как и Берзевици, считал необходимым участие дворянства в осуществлении буржуазных реформ. "Неолагородного" Хайноци отличало необыкновенное благородство характера, высокая нравственная чистота, отвага и патриотизм. Как и многие его единомышленники, он был восторженным почитателем Французской революции, регулярно следил за ее событиями, читая "Монитор", перевод на венгер-

ский язык конституции 1793 г.

Решительным сторонником буржуазных преобразований был и Игнац Мартинович, однако, не питая никаких иллюзий в отношении дворянства, он все свои надежды связывал с "просвещенным монархом". Как и Хайёци, он был широкообразованным человеком, извилистый жизненный путь этого монаха-ученого от начала до конца жизни изобилует поворотами неожиданными и необъяснимыми. Мартинович был прогрессивно мыслящим человеком, эрудитом с широким кругозором. Его философское произведение "Философские мемуары" говорит о материалистическом мировоззрении автора.

Таким образом, к июню 1790 г., когда открылась долгожданная сессия Государственного собрания, в основных чертах определились позиции трех политически активных факторов: двора, дворянства и интеллигенции. С 10 июня 1790 г. взоры были обращены к древней столице королевства - Буде, где впервые за несколько столетий снова заседало высшее законодательное учреждение страны. Это было символично, как символична была и уступка положения венгерской оппозиции со стороны династии отказаться от проведения сессии в близко и удобно для нее расположенном Прессбурге /ныне Братислава/ городе с преимущественно немецким населением, расположенным в кольце словацких поселений. Уступка однако не означала предоставления сословиям полной свободы действий и отказа от давления. Наоборот, Леопольд тщательно подготовился к сессии и пользовался всеми доступными средствами, чтобы подчинить сословия своей воле. В конечном счете все решало соотношение сил внутри страны, в империи и за ее пределами. Леопольд, как и все его предшественники на престоле, официально коронованные венгерской короной, признал конституцию королевства и его самостоятельность. В утвержденных Леопольдом законах, подготовленных Государственным собранием, говорилось: новый король должен быть коронован в течение шести месяцев после смерти старого. Священная корона хранится в Буде, законодательная власть осуществляется королем и Государственным собранием.

ем совместно, король заверяет сословия, что не будет править патентами и указами, Государственное собрание созывается раз в три года, в университетах, высших учебных заведениях учреждаются кафедры венгерского языка, за протестантами закрепляется свобода отправления религий, содержание церквей и школ, при назначении на должности вероисповедание не принимается во внимание. Кроме того, сословия постановили представить королю 6 тыс. новобранцев и учредить 9 комиссий из своей среды для выработки проектов реформ, включить в свод законов урбарииум Марии Терезии. Все это произошло в середине марта 1791 г., а в конце того же года император дал секретное указание Мартиновичу организовать в стране кампанию в пользу представительства в Государственном собрании буржуазии и крестьянства.

В эпоху "Просвещенного абсолютизма" народы Венгрии сделали шаг вперед в направлении общественного прогресса. Делая основные перегородки, начала пробивать себе путь национальная идеология, самые дальновидные ее представители уже подошли к осознанию необходимости сочетать дело национальной независимости с коренными социальными преобразованиями, без которых немисламо было рождение самой нации. Находявшаяся в стадии формирования национальная идеология, наряду с бесспорно прогрессивными и справедливыми элементами, с самого начала носила в себе зачатки национализма, питаемого специфическими условиями: во-первых, полиэтничность королевства, во-вторых, двойственное положение в нем нарождавшейся мадьярской нации, одновременно угнетаемой и господствующей — угнетаемой габсбургской Австрией и господствующей в отношении и славян, и влахов. Все это делало чрезвычайно противоречивым каждый шаг вперед национального движения мадьяр причем в условиях, когда эта самая господствующая нация и в собственной стране находилась в подчиненном положении, не обладая всеми атрибутами государственного суверенитета, начиная с самого элементарного для любого на-

ционального движения стремления к утверждению законных прав родного языка в собственной стране. Введение венгерского языка в качестве официального языка в Венгрии неизбежно ущемляло бы законные интересы других языков и народов. И без того сложную ситуацию усугубляли провинциальные стремления навязать венгерский язык другим народам королевства. Подобных стремлений не чужды были и наиболее просвещенные представители венгерского Просвещения. Основоположник и классик его Бешеней, например, был убежден, что народы королевства дружно возмущаются за изучение мадьярского, хотя бы из чувства благодарности к нашим, их "притянувшей". Ученый-медик, видный филолог Ш. Дечи ратовал за "незаметную мадьяризацию" через школу и церковь, за 20-30 лет, писал он, - "все иноязычные жители" страны "незаметно" станут "мадьярами". Известный публицист-просветитель Й. Печели искренне и просто душевно верил, что жители Венгрии и Трансильвании через 50 лет станут "урожденными мадьярами". Но были, кроме наивно миролюбивых сторонников мадьяризации, также активные агрессивно-нетерпимые ее пропагандисты. Андраз Дугонич, основоположник романа в венгерской литературе, чей роман "Этелка", воспевавший деяния "первых заросвателей родины" /а не "сберегателей"!/ , несмотря на свое славянское происхождение, не скрывал своего презрения к славянам и немцам, противопоставляя им мадьяр с их недоступными "для чужих благородством и великодушием". Ференц Казинци считал вполне допустимым изгнание "из нашей родины тех, кто ест венгерский хлеб и дышит венгерским воздухом и, несмотря на это, отказывается учиться венгерскому".

Пренебрежение к языково-культурным правам и потребностям грозило в будущем превратить угнетенные народы королевства из потенциальных союзников национального движения в опасных его противников.

3. В марте 1792 г. у руля правления огромной империи встал человек крайне реакционных взглядов, поставивший перед собой задачу уничтожения любой ценой "француз-

окого демона революции". Франц II сумел быстро втянуть страну в войну против революционной Франции. Его внутренняя политика находилась в полной гармонии с внешней. Первым делом он издал указ о введении цензуры и запрете всякого публичного упоминания в печати о французской революции. Естественно, ни в реформах, ни в реформаторах, ни тем более в агентах-интеллектуалах он не нуждается. Поэтому логичным было быстрое увольнение Мартиновича. Тому ничего не оставалось, как вернуться в Венгрия, где в 1792-1793 гг. шел процесс поляризации сил национального движения, вызванный примирением "нации с королем" и прекращением в связи с этим дворянского сопротивления абсолютизму.

Большинство дворянства, довольное собой, поспешило свернуть знамя борьбы и уклониться под крыльями австрийского орла: времена были тревожные, во Франции полетели головы царственных особ, якобинский террор был в самом разгаре, а тут еще собственное крестьянство проявляло растущие признаки нетерпения. В такой обстановке неосмотрительно было бы перечить королю, единственной опоре и защитнику дворянских интересов. Так думали многие венгерские дворяне, охваченные страхом происходящих вокруг событий. Но не все. Весной 1793 г., согласно агентурным донесениям, представители восьми северо-восточных комитатов, вступив в тайную между собой - специальным указом Леопольд еще в конце 1791 г. запретил общение комитатов друг с другом по политическим вопросам - связь, выработали общую платформу, которая предусматривала провозглашение Венгрии республикой, конфискацию земель высшего духовенства, ликвидацию аристократии как сословия. Повсюду действовали группы интеллигентов, которых Мартинович называл "якобинскими сектами", в ожидании подходящего случая к восстанию.

Мартинович примкнул к демократическому движению после того, как его попытки завоевать расположение Франца II потерпели неудачу. Возможно, толкнуло его на это и уязвленное самолюбие. Как бы то ни было, весной 1793 г. при

помощи Я. Хайноци и его друзей И. Мартинович опубликовал памфлет "Открытое письмо" императору, в котором подверг критике внутреннюю и внешнюю политику Франца. Осенью 1793 г. вместе с Я. Лацковичем он составил проект новой буржуазной конституции Венгрии. Рассчитанный на привлечение умеренных кругов дворянства, проект предусматривал провозглашение конституционной монархии с двухпалатным парламентом, который бы включал также представителей "третьего сословия". Особенно он примечателен тем, что, вероятно, впервые в европейской истории давал рецепт решения национального вопроса, причем на принципах территориальной автономии. Авторы проекта предлагали преобразовать королевство Венгрия в федерацию, состоящую из трех самоуправляющихся провинций с учетом этнического состава населения: Славонии /северо-западные комитаты/, Иллирики /Хорватия, Славония, Далмация, часть территории южных комитатов/ и Валахии /Трансильвания и Банат/. Появление столь любопытного документа можно объяснить и тем, что неслучайное движение якобинцев имело свои ячейки в Хорватии и Трансильвании. Зимой Мартинович провёл в Австрии, где под его руководством было создано тайное якобинское "Общество равенства и свободы". Возвратившись в мае в Венгрию, он приступил к созданию тайных венгерских обществ — "Общества реформаторов" и "Общества свободы и равенства". Программа первого, более широкого по составу, названная катехизисом, содержала призыв к свержению короля, провозглашению республики по польскому примеру, требование издать законы, "одинаково хорошие для дворян и недворян", в ней ставилась задача преобразования Венгрии в федерацию национальных автономных провинций, обосновывалась необходимость установления союзных отношений с Францией, Турцией, с поляками. "Общество свободы и равенства" было более узкой по составу и еще более законспирированной организацией, рассчитывавшей в первую очередь на привлечение крестьянства как основной ударной силы. За несколько месяцев удалось довес-

ти численность обоих обществ до 300 человек. Австрийская Полиция начала на след тайных якобинских организаций в июле 1794 г. Тогда же в Вене был схвачен и сам Мартинович. На допросах он выдал всех своих товарищей, раскрыл все планы восстания вплоть до мельчайших деталей. Но осуждения и казни не смог избежать. К смертной казни были приговорены 18 из 56 арестованных. Казнены были семь главных руководителей: Мартинович, Хайноци, Сентмария, Пал Ез и др. Казнь состоялась на дугу у крепостной стены в Буде, народ назвал это место Вёрмезё, т.е. "Кровавым полем". Так эта площадь венгерской столицы называется и сегодня.

Портрет руководителя был бы неполным и в какой-то мере искаженным, если бы мы не привели последние предсмертные строки этой, несомненно, незаурядной и неоднозначно привлекательной натуры. "Опередив время, я родился в этой стране, - писал И. Мартинович в момент, когда никаких надежд на спасение уже не было, - и преждевременно должен погибнуть, чтобы не нарушать власть тьмы... Преклоняюсь перед алтарем человечества, обнимаю любимую родину и желаю, чтобы моей кровью было оплодотворено ее счастье".

4. XVIII в. вошел в европейскую историю как "век Просвещения". Вошел по праву. Но не для всех стран, даже не для всех передовых, он начался с 1700 г., для одних еще в конце XVII в., если иметь в виду некоторые философские течения или появление богословских учений, направленных к реформе католицизма и ряд других явлений Предпросвещения. Для большинства народов и стран Европы, в частности, империи Габсбургов, "век Просвещения", говоря условно, относится ко второй половине XVIII в.: для собственно Австрии и Чехии он начался примерно в 50-60-х гг., для Венгрии - в 60-70-х гг.

Смысл этого общечеловеческого явления, обозначаемого вполне справедливо и как процесс в духовной жизни и как движение возрождения ее в духе традиций гуманизма, в самом общем виде сводился к разрыву общества со сред-

невековой схоластикой и мракобесием во всех его проявлениях, во всех сферах общественной жизни и деятельности, к обеспечению торжества разума над суеверием и мистикой, свободы над тиранией. Все эти признаки Просвещения с разной степенью силы и интенсивности наблюдались в его центрально-европейской разновидности. Региональная его специфика для подавляющего большинства народов была связана с двумя факторами фундаментальной важности: господством феодальных отношений, которое не могло быть еще подорвано хилыми ростками отношений буржуазно-капиталистических, и наличием абсолютной монархии, стремящейся к централизации. В известном смысле это стремление послужило одним из побудительных мотивов создания государства "просвещенного абсолютизма", а оно в свою очередь открыло путь к Просвещению и для народов, населявших империю. Отсюда следовало неизбежное приспособление идей и принципов европейского Просвещения к отсталым социально-экономическим условиям империи и к полиэтничности ее состава. То же произошло и с рецепцией здесь идей Великой Французской революции, с ее радикальным антиабсолютизмом и антифеодализмом. Регион в сущности, за немногим исключением — венгерских, австрийских и польских якобинцев, — под влиянием революции на самом деле воспринимал в первую очередь идеи энциклопедистов, идеи Просвещения. Таким образом, в специфических этнонациональных условиях Центральной Европы общественные и культурные процессы, связанные с Просвещением, неизбежно должны были принять национальную окраску еще до того, как появились современные нации как этно-социальные общества буржуазно-капиталистической эпохи. Просвещение здесь послужило мощным стимулом к углублению и ускорению процессов формирования наций, хотя социально-экономическая основа еще не созрела для этого.

В истории венгерского и ряда других народов региона эпоха Просвещения являлась временем зарождения национальной литературы, национальной прессы, национальной науки /исторической, лингвистической, литературоведения,

по крайней мере/, национального театра. При всем огромном значении так называемой "национальной самобытности", великая обойти молчанием громадного влияния Положительно-го примера, особенно в сфере культуры. Восприятие лучшего, что было создано гением другого народа, стремление подражать лучшему образцу есть нормальный путь развития. Для культурного развития венгерского королевства, для мадьяр во всяком случае имел положительное значение австрийский и немецкий пример, для тех венгров, кто мог непосредственно познакомиться /таким было не так уж мало/, пример английский, голландский, французский, северогерманский. Но особое значение имел немецкий, ибо немцы раньше других вступившие и на путь Просвещения, жили в этой стране рядом, бок о бок с мадьярами, во многих городах, они составляли большинство или значительную часть населения этих наиболее мощных очагов культуры. Случайно ли, что вслед за первой немецкой газетой в Венгрии появляется и первая венгерская газета, вслед за первым немецким театром - театр венгерский и т.д. Среди писателей, деятелей других сфер культуры мы найдем немало лиц немецкого происхождения с венгерским /"хунгаристским"/ самосознанием, а иногда и с националистическим мадьярским, причем ярко выраженного толка.

В разработке проекта самой значительной в XVIII-XIX вв. реформы системы образования /"Радио эдукационис"/ активное участие наряду с мадьярами принимали выдающиеся австрийские просветители, светники Марии Терезии. При том, что никакой идиллии в отношениях между двумя этносами не было, да и не могло быть в то время, когда шло начатое сверху фронтальное наступление немецкого языка, когда теми же "верхами" с оскорбительным для нации высокомерием было объявлено, что "имеющего быть во всеобщем употреблении собственного языка" у венгров вообще нет. Язык мадьяр третировался как варварский. Не удивительно после этого, что один из самых популярных писате-

лей эпохи Андраш Дугонич /1740-1818/ в 1784 г. выпустил учебник математики на венгерском языке, несмотря на отсутствие соответствующей мадьяроязычной терминологии, и сам разъяснил, что тем самым "хотел показать перед всей страной, что немецкий язык в объяснении наук никогда так силен быть не может, как венгерский". Это, конечно, случай курьезный, но словотворчество лингвистов, их усердие в изгнании из венгерского языка немецкой и другой иноязычной терминологии оставило на нем глубокий след, ощущаемый и сегодня. В целом же немецко-мадьярское культурное взаимодействие было весьма плодотворным, а немецкий язык и немецкая литература служили связующим звеном между венгерским и европейским Просвещением, весьма успешно выполняя полезную и благородную посредническую миссию. Культура Просвещения подорвала господство барокко и его более поздней разновидности рококо во многих отраслях искусств /архитектура, живопись, поэзия и др./, заменив их классицизмом, открыв простор жанровому и стилевому многообразию национальной литературы и искусства.

В силу того, что новая литература и новое искусство складывались в обстановке общенационального подъема, обострения борьбы за национальные цели, их отличала высокая степень политической ангажированности. Особенно это заметно в творчестве виднейших деятелей венгерского Просвещения: в поэзии Яноша Бачани /1763-1845/, в лирике Михая Чокона-Витеза /1773-1805/, в сентиментальных произведениях Йозефа Карамана /1769-1795/, в стихах Даниэля Бержени, в которых надежда на возрождение славного прошлого сливалась с трагическими и пессимистическими чартами, мотивами отчаяния и мрачными предчувствиями по поводу нации, обреченной в силу своего одиночества и т.д., т.е. всего того, что было столь характерно для венгерского романтизма и в какой-то мере сказалось на национальном самосознании в целом. Культурно-литературная жизнь венгерского общества была настолько соединена с общественно-политическим движением, что разгром последнего не мог не иметь ро-

ковых последствий для всего венгерского Просвещения. Впервые, испытало оно это прямо и непосредственно. Осужденные по делу литераторы Ф.Казинци и Я.Бачани были на многие годы брошены в подземелья австрийской крепости Кёнигштайн. Выдающийся поэт, ученый-лингвист Ференц Вершети /1757-1822/ также пробыл девять лет в темнице только за то, что перевел на венгерский язык Марсельезу. Пламенный патриот, поэт-лирик Сантиос-Сабо погиб в тюрьме в том же 1795 г. Венгерскому Просвещению пришел, казалось, конец буквально физический. Сплошному разгрому подверглись масонские ложа и довольно многочисленные кружки-чтальни. Учителя и чиновники лишились своих мест по малейшему подозрению в склонности к свободомыслию, за симпатии к революционной Франции, к восставшим против царского ига полякам; дворяне комитата Земплин на северо-востоке подверглись преследованию за то, что осушили бокалы за здоровье Тадеуша Костюшко. К концу века перестали выходить девять из десяти венгерских органов печати. "Мы едва освободились от гнетущего сна, - писал поэт Чоконяи в 1798 г., - как снова впали в дремоту... наши типографии снова печатают одни молитвенники. Наш театр скончался в колыбели. Наши лучшие литераторы или погибли, или влачат жалкое существование..."

Но Просвещению не суждено было бесследно исчезнуть со сцены. Оно возродилось с началом нового, XIX в., причем стараниями уцелевших его представителей. Но теперь оно в отсутствие легальных политических форумов, запрещенных реакционным абсолютизмом, в отсутствие какого бы то ни было политического движения, несло двойную нагрузку. Литература, различные виды искусств, словом, культурная сфера стала непосредственным рупором и выразителем, в сущности, единственным, национально-политических целей и интересов. Инициативу взял на себя не сломленный заточением в крепости Ф.Казинци. Выйдя из тюрьмы в 1801 г., он немедленно приступил к возрождению культурной жизни. Начал он с разработки программы обновления родного литературного языка путем избавления его от диалектизмов и

одновременно обогащения его за счет ввода современной лексики. Надия, по его мнению, был нужен такой литературный язык, который был бы способен дать жизнь наиболее совершенным формам литературного творчества, вывести родную литературу на уровень самых современных. Реализуя эту программу, он стал первым сознательным организатором литературной жизни в Венгрии. Его основные эстетические принципы одержали победу в сущности в течение каких-то десяти с лишним лет. И за все это позднее великий Шандор Петёфи назовет Казинци "спасителем нации". Поистине поразительна деятельность Казинци и его единомышленников, сумевших к концу второго десятилетия XIX в. завершить громадной общественной важности и историко-культурного значения дело по обновлению родного языка. Сложился национальный литературный язык, один из существеннейших элементов национального единства, столь необходимого средства борьбы за буржуазные преобразования общества.

5. 28 января 1850 г. в Пеште вышла небольшая книжка с неприятным и отнюдь не завлекательным названием "Кредит". И сразу стала бестселлером. В том же году потребовалось переиздание, поскольку тираж был раскуплен моментально. Она произвела впечатление разорвавшейся бомбы. А ведь речь в ней шла о предметах весьма прозаических - о денежном кредите, залогах, ростовщичестве, земельной собственности, обработке почвы, крестьянском труде и повинностях и тому подобное. Тем не менее "Кредит" вызвал всеобщую дискуссию, расколол общество на сторонников и противников, на восторженных почитателей и злобствующих худителей.

Автором этой книги был Иштван Сечени. Он родился в Бене в фамильном дворе своих предков. Начало было у него таким же, как и у сверстников из кругов высшей знати. Правда, он получил блестящее образование, был знатоком многих языков, классических и европейских. Служба в армии в чине адъютанта австрийского главнокомандующего позволила ему побывать в ставке и императора французов,

и императора российского Александра I. Но военная карьера, как и, впрочем, равно наскучившие светские развлечения, молодого человека мало привлекали. Поэтому он ушел в отставку сразу же после окончания войны. И позднее настоячивые попытки всевысшего канцлера, рисовавшего перед ним блестящие перспективы на службе у императора-короля, оставили его равнодушным. Вероятно, два обстоятельства сыграли решающую роль в формировании этой незаурядной личности: первое - это путешествие по Европе от Стамбула до Лондона. Необыкновенная любознательность, интерес к чужим нравам, обычаям, к загадочной Англии, ее экономическому устройству. Увиденное в этой стране побудило его заняться основательным изучением политической экономии и сравнивать увиденное, услышанное и прочитанное с окружающими его безрадостными условиями существования и хозяйствования собственной страны, и как следствие этого - внезапное прозрение, острое ощущение азиатской отсталости своей родины и в какой-то мере ощущение вины своего класса. Ну и конечно, благородные семейные традиции заботы об общем благе. Отец его граф Ференц Сечени в 1802 г. даровал родине великолепные Коллекции книг, рукописей, картин, скульптур, основав два крупнейших культурных центра современной Венгрии - Национальный музей и библиотеку им. Сечени, дядя граф Дьёрдь Фештетич в 1797 г. основал знаменитый на всю Европу Георгион - первое на континенте высшее сельскохозяйственное училище /в Кестхей/.

В "Кредите" А.Сечени не только раскрыл, не говоря самолюбия ни аристократии, ни дворянства в целом, истинную картину состояния страны, но и дал первую глубоко продуманную и развернутую программу таких радикальных реформ и преобразований, конечным результатом которых стал перевод экономики на капиталистические рельсы. Последовательно раскрывая всю цепь взаимосвязей, обуславливавших то или иное состояние экономики, Сечени доказывал прежде всего своему классу: для повышения доходности хозяйств надо, чтобы землю обрабатывали заботливые руки

заинтересованных в своем труде людей, т.е. нужен наемный труд, а не даровой малопродуктивный "робот" барщинного крестьянина. Для этого нужны деньги, которых у венгерского помещика нет и негде взять, потому что банкиры не дают ему под заклад - древний венгерский закон запрещает закладывать землю. Отсюда и название книги Сечени, содержащей конкретное предложение: отменить барщину, перейти к системе наемного труда, отменить также разорительную для крестьян десятину /с урожая/, ибо она убивает в нем прилежность и старание, ибо к чему оно: чем больше он производит, тем больше обязан отдавать помещику. Автор предлагал также целый ряд других реформ, в том числе отмену цехов, ликвидацию внутренних пошлин и т.д.

Все эти мероприятия в представлении Сечени - не самоцель, а средство к достижению главной цели - благосостоянию и благоденствию отечества. Вот почему так глубоко запали в душу и сердце многих поколений мадьяр выдвигнутые им идеи, такие как, например: "Многие думают: Венгрия была. Я бы хотел верить: она будет!" или: "Истинное богатство страны - во множестве просвещенных голов". Вот почему непримиримый политический оппонент Сечени Лайош Ковут в разгар их ожесточенных споров о судьбах страны называл его "величайшим венгром", и это прозвище закрепилось в сознании нации. Глубокая эрудиция и широта кругозора не мешали ему быть сыном своего класса, точнее, более узкого круга - высшей аристократии. Программа Сечени включала два очень важных момента: 1. Все преобразования должны проводиться под руководством аристократии, при сохранении ее экономических, политических и общественных позиций. 2. Судьбы и будущее Венгрии, окруженной германскими и славянскими народами, он не представлял вне рамок империи. Поэтому он предлагал венгерской оппозиции каждый свой шаг согласовывать с династией, хотя многое в ее политике вызывало его возражения. Сечени настаивал на гласности при обсуждении важных вопросов, на ограничении вмешательства венских придворных властей в дела Венгрии: страна, считал он, должна управляться не из Вены или от-

куда-то еще, а из ее древней столицы - Буды.

И последнее. Сечени был не только идеологом "движения реформ", начало которого связывается с изданием его "Кредита", и не только теоретиком, давшим программу буржуазных преобразований, он был и практиком, причем в сфере практической деятельности сумел оставить после себя нетленное, незабываемое. Он инициатор и организатор строительства первого в истории венгерской столицы постоянного моста, главный пайщик созданного для этого акционерного общества.

"Кредит" Сечени заставил господствующие классы общества, всю общественность обратить внимание на глубинные пороки существующего феодального устройства, на его кризис и на необходимость поисков выхода из создавшегося нетерпимого положения. Жизнь очень быстро подтвердила законность опасений автора. Весной 1832 г. в земплинском комитате вспыхнул мятеж крестьян. За оружие взялись бедный сельский и городской люд окружающих областей - словаки, русины, мадяры, отчасти также и трансильванские румыны. Поводом к восстанию послужила пришедшая из далекой Индии и успевшая уже унести шесть миллионов жизней эпидемия холеры. В Венгрии число жертв достигло 250 тыс. Неорганизованное крестьянское восстание было быстро подавлено габсбургскими войсками.

В декабре 1832 г. вновь было созвано Государственное собрание, но его работа на этот раз в корне отличалась от всех предыдущих сессий, хотя оно по-прежнему представляло привилегированные сословия, а не все слои общества. Все же сессия достаточно рельефно показала сдвиги в умонастроениях значительной части общества. Чутким барометром этих настроений стала многочисленная группа молодежи, в основном молодые юристы, так называемые "кратусы", прибывшие на собрание в свете комитатских депутатов для прохождения практики. Занимая места на галерке, эти молодые люди, среди которых многие придерживались радикальных взглядов, своей шумной реакцией, возгласами одобрения или возмущения, не стесняясь в выражении

ях, не принимая прямого участия в дебатах, тем не менее создавали особую обстановку, которая не могла не влиять на атмосферу в зале заседаний.

На работе этой сессии, одной из самых долгих по продолжительности в венгерской истории /целых 4 года - до 1836 г./, сказались, помимо "холерного восстания", также два внешних события: июльская революция в Париже и восстание 1831 г. в Польше, особенно последнее. Несмотря на ясное предупреждение императора-короля Франца I не поддаваться "болезни обновления" и "подражанию заграницей", многие из делегатов не отказали себе в удовольствии выразить свою солидарность с героическим восстанием, славить в пламенных речах павших в неравной борьбе его участников. Но и это было лишь слабым отражением того широчайшего отклика, который это восстание вызвало в венгерском обществе. В приграничных комитетах действовали тайные общества для сбора и переправки повстанцам денег, продовольствия, одежды. Многие переходили границу, чтобы сражаться в рядах повстанцев. Официальные резолюции об оказании им помощи были приняты в 33 комитетах. Лучше всех выразил глубокое понимание международного значения польского восстания, а также и для самой Венгрии, пожалуй, Лаойш Кошут, будущий вождь революции: "Мы хотим восстановить поляков в их исконных правах, их интересы - наши интересы, и это, с другой стороны, сплачивает едино силы всей цивилизованной Европы".

Один из двух виднейших вождей новой оппозиции габсбургскому режиму, сложившейся на этом Государственном собрании, трансильванский магнат барон Вешшелени /1796-1850/, само имя которого символизировало нетерпимую враждебность династии, лично объезжал комитаты один за другим, убеждая дворянство следовать его примеру и не давать ни одного новобранца королю из опасения, что венгерские солдаты могут быть использованы против польских братьев.

Вторым вождем оппозиции стал поэт Ференц Кёлчей /1790-1838/, делегат от комитета Сатмар, автор "Гимна",

последовательный сторонник буржуазных реформ, чьим девизом были слова: "Отечество и прогресс". Среди тех, кто впервые на этой сессии заявил о себе, были кроме Кошута, также Ференц Деак, ставший позднее одной из ключевых фигур политической жизни Венгрии, Габор Клаузал, многие участники приближавшейся революции.

Но особую роль в превращении Государственного собрания в подлинный политический форум национального масштаба был молодой адвокат, сын безземельного дворянина Лайош Кошут. Он поставил перед собой простую задачу: ознакомиться с работой собрания, заседавшего на самой западной окраине королевства, как можно больше людей, всю Венгрию. Но каким образом, если национальная пресса задушена, а цензура свирепствует как никогда. И он нашел блестящий выход. И вот появились на свете "Известия Государственного собрания", написанные Кошутом от руки листки с речами делегатов и соответствующими, в духе оппозиции, комментариями к ним, переписанные вратусами. Они рассылались по комитатам как частные письма. Всесильная австрийская цензура, посрамленная таким простейшим способом, оказалась бессильной что-либо предпринять. Это оригинальное средство массовой информации действовало быстро, оперативно, вплоть до окончания сессии безотказно. Оно не только информировало, оно создавало общественное мнение. Листки привлекли внимание и самого всемогущего министра Меттерниха, который тщательнейшим образом просматривал самолично каждый номер листков Кошута.

На сессии сложились, оформились и столкнулись два главных идейно-политических течения: либеральное, представлявшее интересы среднепоместного дворянства, оппозиционно настроенного, заинтересованного в коренных социально-экономических и политических преобразованиях, и консервативного, по составу и интересам, им представляемым, преимущественно аристократическое, в союзе с династией и Австрией объявившее открытую войну движению реформ. Именно ввиду сопротивления консерваторов объективные ито-

ги законодательной деятельности оказались более чем скромными, прежде всего по самому главному, крестьянскому вопросу: несмотря на все старания оппозиции, ей не удалось добиться принятия радикальных реформ в пользу отмены крепостных повинностей и освобождения крестьян за выкуп, ограничения компетенции помещичьих судов, признания

права собственности крестьян на землю. Но даже весьма умеренный вариант подготовленных Государственным собранием законопроектов был отвергнут королем.

Между тем, в начале марта 1835 г. место умершего Франца I на престоле занял Фердинанд V, один из самых слабых по интеллекту и способностям правитель из австрийского дома. Власть в империи стала осуществлять узкая группа министров, эрцгерцогов и придворных, реакционная по своим убеждениям и потому получившая меткое прозвище "венской камарильи". После роспуска Государственного собрания камарилья обрушила на головы лидеров оппозиции град репрессий. Вслед за осуждением Вешелени за "государственную измену" — так двор оценил его антиправительственную речь на комитатском собрании — в тюрьме оказались молодые юратусы. Та же участь постигла в 1837 г. и Кошута, когда он публично выступил в их защиту. Стремясь теороризировать противников режима, камарилья организовала серию политических процессов, которые однако, породили не страх, а ненависть к угнетателям.

Общественно-политическая жизнь Венгрии в 30-х гг. XIX в. прошла под знаком Сечени, чьи планы, идеи, проекты легли в основу политической платформы оппозиции. В 40-х гг. в результате появления в рядах оппозиции мелкого дворянства или нарождающейся буржуазии и радикализации выдвинутых ею целей и средств борьбы против феодализма и абсолютизма руководство движением за реформы возглавил Лайош Кошут.

Попытка австрийского абсолютизма подавить движение преследованиями и террором не дала желаемых результатов.

Об этом свидетельствовала работа Государственного собрания созыва 1839-1840-х гг. натолкнувшись на возросшую силу сопротивления оппозиции, венский двор вынужден был отступить. В 1840 г. король утвердил целый ряд социально-экономических и национальных реформ, подготовленных Государственным собранием, среди них: законопроекты о добровольном выкупе повинностей крепостными при согласии помещика, о праве на свободное основание промышленных предприятий, о векселях, о строительстве национального театра, о ведении переписки и делопроизводства Государственного собрания, а также оформлении церковных свидетельств о рождении, браке и т.д. на венгерском языке. Под давлением сословий были амнистированы и освобождены все политические заключенные, в том числе и Кошут. Четыре года, проведенные им в тюрьме, были годами учения - он так успешно овладел английским языком по учебнику, что, когда спустя много лет впервые ступил на английскую землю, мог свободно произнести на нем свою речь, усиленно изучал политэкономию и, по собственному признанию, "держал отчет перед собой о состоянии нашей родины, строил в голове планы относительно способа решения проблем".

Первым делом после освобождения было создание настоящей политической газеты. Разрешение на основание газеты Кошуту было выдано с санкции самого Меттерниха, который рассчитывал тем самым связать ему руки, так как Кошут в интересах сохранения своего детища был бы вынужден согласовывать свою деятельность с интересами и намерениями венского правительства. Тем более, что владельцем типографии, где она должна печататься, был его осведомитель и платный агент Л.Ландерер. Но скромный провинциальный адвокат оказался дальновиднее, чем хитроумный и коварный мастер интриги. 2 января 1841 г. свет увидел первый номер первой по современным понятиям и стандартам газеты Венгрии - "Пешти Хирлап", выходившей два раза в неделю. И она сразу же завоевала внимание и симпатии публики. За полгода число ее подписчиков возросло с 60 чел. до 4-х тыс. Делал газету Кошут практически один: он сам пи-

сал передовицы, разные заметки, глоссы, вел переписку с единомышленниками в комитатах, разоблачал произвол венских властей и местных, описывал ужасные условия бедняков, жителей подвалов, тюремные порядки. Не было достойного внимания из сферы экономики и общественной жизни вопроса, которого не коснулось бы его острое перо. Исподволь вырабатывал и пропагандировал он свою собственную концепцию буржуазных преобразований, резко отличавшуюся от программы Сечени. Во главу угла Кошут поставил кардинальный вопрос буржуазно-капиталистического переустройства венгерского общества, сформулировав его предельно лаконично и доходчиво: "Долой крепостничество, да здравствует свободная земля!". Его программа включала: обязательный выкуп помещичьих земель за счет государства, отмена налоговых привилегий дворянства, замена сословного собрания народным правительством, обеспечение экономической и политической независимости Венгрии.

Радикальная платформа Кошута не могла не вызвать возражения со стороны Сечени. Так, с 1841 г. началась открытая и ожесточенная полемика двух виднейших лидеров движения за реформы, за которой, затаив дыхание, следила вся страна. На стороне Сечени были не только обширные познания и всесторонняя образованность, но и неоспоримый авторитет человека, успевшего доказать свой патриотизм на деле. Сечени ответил своему оппоненту брошюрой "Народ Востока", в которой бросил ему тяжкий упрек в том, что он, Кошут, своей неумеренной агитацией, имеющей целью противопоставление нации династии, империи с ее превосходящей силой, подвигает нацию "на край могилы". Суть спора заключалась в том, что Сечени, в противоположность Кошуту, добивался реформ в сотрудничестве с венским двором, а не вопреки его воле. Отсюда и умеренность его программы, и постепенность в ее реализации. В ноябре 1842 г. на заседании Венгерской Академии наук Кошуту и его сторонникам в проведении политики мадьяризации был брошен упрек в нетерпимости по отношению к национализациям. /К этому вопросу мы вернемся несколько позднее/.

В 1843 г. реакции все же удалось лишить Кошута его газеты, но не Кошута, ни оппозиция, которая к этому времени набрала большой темп и размах, остановить уже не могла.

В 1844 г. Кошут перенес центр тяжести своей деятельности в сферу экономики. С целью привлечения внимания общественности к проблеме знанты и развития отечественной промышленности, а также бойкоте австрийских товаров в октябре 1844 г. он организовал "Союз защиты". Учредители союза доказали, что в течение 10 лет будут по возможности покупать только товары, произведенные в Венгрии, даже если они хуже по качеству и дороже. И тут же Сечени выступил с возражением, указав, что инициатива Кошута обостряет отношения между Венгрией и Австрией. Тем не менее идея была с энтузиазмом подхвачена; в провинции возникло около полутора сотен местных филиалов союза. Но успех был скорее пропагандистский и политический, чем экономический. Политическая агитация вышла за рамки комитетских собраний, и филиалы, спустя несколько лет, стали опорными пунктами оппозиционной партии Кошута. Все больше дворян прониклось идеей Кошута о том, что политическая независимость без независимости индустриальной "есть не что иное, как мечта". Но попытка оппозиции провести через Государственное собрание протекционистский законопроект в интересах венгерской промышленности была сорвана камарильей.

6. 1830-1840 гг. отмечены существенным оживлением экономической жизни во всей империи. Однако промышленное развитие Венгрии задерживалось по-прежнему целым рядом дискриминационных предписаний венского двора.

Тем не менее, общий подъем, особенно значительный в 40-е гг., был заметен и здесь. Несмотря на свирепствовавшие в указанные десятилетия эпидемии, унесшие полмиллиона жизней, к 1846 г. население королевства /т.е. включая Трансильванию и Хорватию/ достигло 14,5 млн. человек /в 1787 г. было 9,3 млн./ . Ускорился рост городского населения, численность которого накануне революции достигала 2 млн., а крупнейший город Пешт насчиты-

вал уже свыше 110 тыс. жителей. В сфере промышленного производства было занято всего 5% населения. В предшествовавшие революции десятилетия в Венгрии появились довольно крупные, оснащенные паровыми машинами предприятия, главным образом, мукомольные, сахароваренные, а также изготавливавшие сельскохозяйственные орудия и агрегаты. В 1846 г. начали прокладываться первые километры железных дорог.

Прогресс коснулся и основной отрасли венгерской экономики - сельского хозяйства. Расширилась пахота, главным образом, за счет освоения непригодных земель путем обводнения и осушения болот, сокращения площади пашен и лугов. Улучшение агротехники и орудий обработки позволили повысить урожайность. Значительно увеличилось производство технических, в том числе новых культур - картофеля, табака, риса, индиго. По сравнению с концом ХУШв. урожай удвоился, поголовье скота увеличилось в пять раз. Военная конъюнктура конца ХУШ - начала ХІХ вв., а затем индустриализация австро-чешских земель обеспечили венгерскому сельскому хозяйству устойчивый рынок сбыта сельскохозяйственных товаров, сырья и некоторых видов промышленных изделий.

Среди новых явлений экономической жизни, одним из особенно важных, был рост товарности как помещичьего, так и крестьянского хозяйства, ускоривший переход к товарному производству. На базе расширения внутреннего рынка, оживления торгово-экономических отношений между отдельными районами, в 40-х гг. возникли первые кредитные учреждения - сберегательные кассы и банки. Но именно кредит стал узким местом, тормозившим дальнейшую капитализацию сельского хозяйства. Отсутствие источников дешевого и обильного кредита не давало помещикам возможности отказаться от непродуктивного барщинного, но дарового труда крепостных и заменить его трудом наемным, шире применять машины и механизмы. Большинство помещиков искало выход в экстенсивных методах хозяйствования, в усилении феодальной эксплуатации /прежде всего, барщины/, в рас-

ширении барской заданки путем захвата крестьянских земель, причем лучших, наиболее плодородных и удобных. Все в конечном счете упиралось в отсутствие буржуазной собственности на землю, более чем 80% которой принадлежало дворянству, в наличии нетронутого в своих основах феодально-крепостнического гнета.

Основная масса земельных владений была выключена из обращения и не могла служить базой для кредитно-судных операций, поскольку крестьяне не имели права собственности даже на свои наделы, законом признаваемые таковыми, а дворянская собственность согласно традиционному праву /обратному/, была неотчуждаема и не могла таким образом служить залогом для кредита. Однако общая площадь земель, находившихся фактически в крестьянском пользовании, была довольно значительной — до 72% пашни и лугов.

Экономика Венгрии развивалась в условиях менее благоприятных и более сложных, чем в австро-чешских и северогалльских землях. Здесь, в отличие от наследственных земель, господство феодализма и сословных учреждений было более прочным, устойчивым и длительным во времени. Экономическая мощь, политическое влияние и общественный престиж феодальных сословий, сохранившиеся в почти нетронутом виде и в первой половине XIX в., не в последнюю очередь благодаря союзу аристократии с чужеземным абсолютизмом, представляли основную причину отсталости страны и служили главным тормозом в ее преодолении.

Тем не менее все же в 40-х гг. XIX в. вопреки тормозившей общественный прогресс феодально-абсолютистской надстройке возникли новые производственные силы, которые с неумолимой последовательностью ломали и разрушали старые феодальные структуры. Тем нетерпимее становилась вся политическая система абсолютизма, обслуживавшая интересы казны, крупного землевладения, крупных банков, сковывавшая предпринимательскую инициативу новых социальных сил общества — промышленной и торговой буржуазии, зажиточных слоев крестьянства.

7. Зарождение межнациональных распрей и опережающий развитие экономической почвы и социальной среды рост националистической идеологии есть одна из типичнейших черт переходной от феодализма к капитализму эпохи в ареале Центральной и Юго-Восточной Европы, в том числе и в королевстве Венгрии. Межнациональная рознь возникла здесь задолго до того, как сложился национальный рынок, до того, как сформировались конкурирующие между собой из-за монопольного обладания этим рынком национальные отряды буржуазии, т.е. прежде, чем феодальные народности успели оформиться в современные нации капиталистической формации.

Даже в 40-х гг. ни один этнос многоэтничного королевства не обладал собственной национальной промышленной буржуазией, включая и наиболее развитый в экономическом отношении немецкий. Буржуазные элементы были представлены главным образом либо обуржуазивавшимся дворянством /мадьяры, поляки, отчасти хорваты/, либо, и это было правилом, не исключением, торговцами /в особенности у сербов, словаков, румын/, а также церковной и светской интеллигенцией. Отсутствие сильного экономически и многочисленного "третьего сословия" и породило ту характернейшую для наций национальных процессов Венгрии особенность, что питательной средой для возникновения и роста национальных движений и сопровождающих их национальных конфликтов стала языково-культурная сфера. Любой успех в деле утверждения прав своего языка и своей культуры в целом одного из народов здесь неизбежно вызывал ревность, протест или стремление к подражанию, к достижению того же, у другого. Особенно в тех случаях, когда успех одного вольно или невольно ущемлял такие же интересы других народов.

Это и произошло в Венгрии в 40-х гг. XIX в., когда длительная борьба мадьяр за официальное признание родного языка в качестве государственного и за расширение сферы его применения в общественной жизни одержала первые серьезные успехи.

До этого взаимоотношения между народами в общем можно охарактеризовать как мирные, добрососедские и даже дружеские там, где не было религиозных различий и конфронтаций на этой почве: евангелическая церковь, например, объединяла словаков, немцев, мадьяр; в одной и той же церкви служба совершалась на трех этих языках или поочередно. А никаких конфликтов. Более того, и немцы, и мадьяры охотно учили язык друг друга; широко был распространен обычай обмениваться детьми на какое-то время, чтобы дети лучше и быстрее усвоили язык соседнего народа. Во многих городах в порядке вещей было дву-, а то и триязычие. Множество общих черт на уровне бытовой культуры и особенно фольклора сближало и объединяло мадьяр и словаков, что наиболее ярко проявилось в народной музыке, в эпосах, сказаниях обоих народов: иной раз и ученому-музыковеду сегодня трудно установить, кому из них первоначально принадлежала мелодия или текст той или иной песни. Словаки, например, распевали словацкие песни, в которых рефрен звучал по-венгерски. Отсутствовал или почти отсутствовал лишь один очень важный показатель межнационального сближения: мало было смешанных браков, их число стало расти на рубеже XIX и XX вв. Мирнолюбием и добрососедством отличались и отношения мадьяр с румынами. Исключение составляли сербско-мадьярские контакты, что объяснялось политикой венского двора, использовавшего сербов в качестве вооруженной силы для подавления освободительных движений венгерского народа.

Итак, первый шаг в возвышении статуса родного языка сделали мадьяры. Стремление это было попутным явлением обуржуазивания венгерского общества, ибо привилегированным сословиям жалось и так хорошо с их латынью, более того, длительное время они успешно сопротивлялись уравниванию в правах венгерского, чтобы как можно дольше сохранить сословие, настоящие перегородки, отделявшие их от простонародья.

Языковому движению мадьяр почти с самого начала присуща роковая двойственность. Горько за утраченные зрелищ-

ной латыни и против германизаторской политики австрийского абсолютизма означала не только обеспечение равноправия или полноправия родного языка, но и его гегемонию в многоязычном королевстве, что не могло не вызвать контрдействий со стороны мадьяр и столь же справедливых их устремлений. Это была вполне понятная и естественная защитная реакция народов против попыток принудительной мадьяризации.

Однако сказанное далеко не объясняет ни энергию, ни масштабность, ни откровенную нетерпимость, которыми характеризовалось языковое движение мадьяр в XIX в. без упоминания одного, на первый взгляд, не столь существенного внешнего обстоятельства. Дело в том, что именно в первой половине века в венгерском обществе широко распространились взгляды Йоханна Готфрида Гердера об исторических судьбах мадьяр и славян, высказанные им еще в 1791 г. в "Идеях к философии истории человечества". Он предсказал блестящее будущее многочисленному и могучему славянскому племени и неминуемое исчезновение мадьярам, составлявшим ничтожную, по его словам, часть населения Венгрии, окруженную со всех сторон славянами, немцами и румынами. Беспощадный приговор выдающегося ученого-просветителя о том, что спустя несколько столетий едва ли что-нибудь останется от венгерского языка, произвел гнетущее впечатление на склонных к меланхолии и пессимизму мадьяр. мрачное предсказание Гердера врезалось в историческую память и национальное самосознание мадьяр, о чем свидетельствует не одно лучшее произведение национальной классики. Может быть, оттого и сегодня не оставляет равнодушным потрясающее воображение сцен смерти нации у Келчей в его бессмертном "Гимне"?! Подсознательный страх гибели нации усугублялся многовековым давлением со стороны германского мира. В XIX в. этот страх еще более усугубился в связи с распространением у славянских народов Венгрии идей славянской взаимности, не говоря уже об откровенно панславистской пропаганде, подкреплённой растущей мощью главной и первой державы славян - царской

России. Этот страх перед панславизмом и Россией, независимо от того, насколько он был обоснован, был реальным мотивом, определявшим всю славянскую политику венгерских лидеров движения за реформы. Во всяком случае, события 1848—1849 гг., в частности, царская интервенция, казались бы, подтверждали в какой-то мере худшие из опасений. Однако нельзя на этом основании говорить о каком-то изначальном, иррациональном и мистическом антиславянстве мадьяр, венгерского национального движения в целом, ибо их дружеское отношение к польской нации, которая тоже относится к славянской языковой общности, ничем не омрачалась, наоборот, отличалось дружественными чувствами, взаимопомощью и солидарностью.

Таким образом, уже первые скромные результаты на пути культивирования родного языка и утверждения его прав сопровождались националистическими устремлениями. В 1805 г., когда Государственное собрание утвердило весьма скромный закон о том, что его представления придворным инстанциям отныне будут составляться на латыни и одновременно на венгерском, в ряде комитатов комитатскими собраниями были приняты решения мадьяризаторского толка: принимать к судопроизводству только дела, составленные на венгерском, обязать чиновников под угрозой лишения мест усвоить в кратчайший срок венгерский. А принятый в 1830 г. закон установил, чтобы не знающие венгерского языка вообще не назначались на общественные должности.

В 40-х гг. граф Карой Зай, генеральный инспектор Придунайского евангелического церковного округа, начал кампанию по мадьяризации школ в своем округе, по его приказу был уволен профессор евангелического лицея Л.Штур, вождь национального движения словаков. В 1843 г. группа делегатов Государственного собрания выступила с инициативой объявления официальным языком автономной Хорватии-Славонии венгерского, а через 10 лет принимать на государственную службу в этой стране только знающих венгерский язык. В декабре на собрании комитета Загреб произошла вооруженная стычка между хорватами — сторонниками про-

мадьярской и национальной ориентации.

Движение за венгерский язык одержало полную победу, когда был принят закон, провозгласивший венгерский язык единственным государственным языком страны. О других употреблявшихся в стране языках закон хранил глубокое молчание. В брошюре "Деятельный век и мадьяризм", вышедшей в том же 1844 г. в Вене, лидер словаков Л.Штур, признавая первенство венгерского в администрации, справедливо протестовал против принудительной мадьяризации словаков.

Осуждал мадьяризацию, как уже говорилось, Сечени. Едко высмеивая ретивых мадьяризаторов, он разумно отмечал, что знание венгерского языка не означает превращения кого-либо в мадьяра, "ворочание языком не равнозначно биению сердца", и предупреждал: непомерное давление и шантаж неизбежно рождает упорное противодействие... Кошут же настаивал: в Венгрии, принадлежащей мадьярам, иного официального языка, кроме как мадьярского, быть не может и не должно

Венская камарилья, внимательнейшим образом следившая за развертыванием межнационального конфликта в Венгрии, сделала ряд уступок немадьярским движениям, особенно хорватскому, разрешило издание газет, оказав покровительство культурно-просветительским учреждениям иллинизма и акциям его лидера Л.Гаая. Считая важной поддержку Гаая в связи с предстоящими "новыми битвами" с венгерской оппозицией, Меттерних оказал ему значительную финансовую "помощь" в размере 12 тыс. гульденов.

В документе, подготовленном для императора, Меттерних определил австрийскую политику в Венгрии следующим образом: держаться "выше партий", использовать все средства "целенаправленно, открывая благоприятные для блага империи перспективы..." и далее многозначительно констатировалось: "Сегодня от правительства зависело бы вынести борьбу между национальностями Венгрии на открытое поле", что свидетельствовало о полной уверенности в возможности использовать национальные движения в любой момент по

своему усмотрению. Меттерних рекомендовал учредить особый "надзор" над славянскими движениями, чтобы исключить возможное на них влияние свобододолюбивых поляков, а также, по его словам, "необузданности мадьяризма". Суть плана канцлера заключалась в том, чтобы использовать славян для подавления освободительных устремлений мадьяр.

Литература

- История Венгрии. "Наука". М., 1972, т. II, с. 47-124.
- Освободительные движения народов Австрийской империи. М. "Наука", 1980, с. 234-264.
- Niederhauser Emil. Nemzetek születése Kelet-Európában. Bp, 1976, 86-88, 145-151. l.
- Los Zoltán. Nemzetiségek a történelmi Magyarországon. Bp, 1986, 98, 91, 142-158 l.
- Niederhauser Emil - Gonda Imre. Habsburgok. Bp, 1979.
- Robert A. Kann. Das Nationalitätenproblem der Habsburgmonarchie. Graz-Köln, I-II. Bd., 1964.
- A. J. P. Taylor. The Habsburg Monarchy. 1809-1918. London, 1960.
- Die Habsburgermonarchie 1848-1918. Hrsg. v. Adam Wandruszka u. Peter Urbanitsch. Wien, 1980, Bd. III, 1. Teilband: Die Völker des Reiches. Wien, 1980.
- European Intellectual Trends and Hungary. Ed. by Ferenc Glatz. Bp, 1990
- D. Kosáry. Culture and Society in Eighteenth-Century Hungary. Bp, 1987.
- L'absolutisme éclairé. Red. B. Köpeczi. Budapest-Paris, 1985.
- Les Lumières en Hongrie, en Europe Centrale et en Europe Orientale. Ed. I. Kovács. Bp, 1984.
- La Pologne et la Hongrie. Ed. Zimányi V., Bp, 1981.
- Moritz Csáky. Von der Aufklärung zum Liberalismus: Studien zum Frühliberalismus in Ungarn. Wien, 1981.
- George Baran, Stephen Széchenyi and the Awakening of Hungarian Nationalism, 1791-1848. Princeton, New Jersey, 1968.

Вклад Людовита Штура в формирование литературного словацкого языка

Людовит Штур /1815-1856/ - выдающийся деятель словацкого национального движения середины XIX века, идеолог и политик, поэт и журналист, ученый-языковед - сыграл неоспоримую роль в развитии словацкой культуры, в формировании словацкой национальной идеологии. Его многогранная деятельность неразрывно связана с одним из ключевых этапов истории словацкого народа - эпохой национального возрождения, кульминационным периодом складывания словацкой нации.

В процессе зарождения и развития литературного словацкого языка эта эпоха /конец XVIII - середина XIX вв./ имеет особое значение. За относительно короткий срок в Словакии, которая как часть Венгерского королевства входила в состав Австрийской империи, произошли глубокие изменения в социально-политической, экономической и культурной сфере. В условиях распада феодального уклада шел активный процесс пробуждения национального самосознания словаков, формирования национальной словацкой идеологии. Все это находило непосредственное отражение и в эволюции языковой ситуации в Словакии. Именно в хронологических рамках указанной эпохи выделяются два этапа становления словацкого литературного языка, связанные с кодификаторской деятельностью Антона Бернолака /1762-1813/ и Людовита Штура, с возникновением и функционированием двух вариантов литературных норм словацкого языка.

Как известно, до конца XVIII в. словаки не имели узаконенной литературной формы своего родного языка. В письменности они пользовались латынью, чешским, немецким и венгерским языками /в Вост. Словакии - в ограниченной мере также польским языком/. В повседневном общении прос-

того народа использовалась местная диалектная речь. В развитии словацкой письменности важную роль сыграл чешский литературный язык, который проник на территорию Словакии в конце XIV в. и вскоре стал выполнять здесь роль литературно-письменного языка словаков. С XVI в. в связи с реформацией он становится также литургическим языком словацких протестантов. В конкуренции с официальным языком — латынью он постепенно входит в различные сферы общественно-культурной коммуникации. В эпоху национального возрождения в кругах словацкой интеллигенции выкристаллизовывается осознание необходимости литературного языка, базирующегося на родной речи.

Благодаря языковой реформе католического священника А. Бернолака, осуществленной в конце XVIII в., словацкий язык был впервые возведен в ранг литературного. Этот литературный язык /"бернолаковщина"/ означал собой серьезную целенаправленную попытку перейти в письменности с чешского языка на родную речь словаков¹. Кодифицированные Бернолаком литературно-языковые нормы носили западнословацкий характер. В их основе лежал так называемый "западнословацкий культурный интердиалект", возникший в результате длительного взаимодействия местных западнословацких говоров и чешского литературного языка². Бернолаковщина получила признание лишь в среде словацких католиков и просуществовала в практическом пользовании около шестидесяти лет, так и не став общенациональным литературным языком словаков.

В середине XIX в. в общественно-культурную жизнь Словакии вошел новый вариант литературного словацкого языка, названный по имени его кодификатора "штуровщиной". Впоследствии на его основе сформировался единый словацкий литературный язык. В связи с этим следует особо подчеркнуть активную творческую роль Ладовита Штура, внесшего наибольший вклад в создание литературного словацкого языка, в обеспечение его реального функционирования.

I. В условиях подъема национально-освободительного

движения словаков и нарастающей угрозы мадьяризации /в частности, в связи с провозглашением венгерского языка государственным/ Штур дал и д е о л о г и ч е с к о е и н а у ч н о е обоснование необходимости и целесообразности н о в о г о литературного языка словаков.

В концепции Штура этот вопрос становится важной составной частью широкой программы демократических преобразований в словацком обществе, национально-культурного пробуждения словаков, их борьбы за свои социальные и национальные права. Либерально-демократические взгляды Штура и его сторонников из рядов интеллигенции протестантского вероисповедания, их ориентация на народные массы находили отражение и в решении языкового вопроса.

Обосновывая необходимость языковой реформы, Штур учитывал факторы национального, социально-политического, культурного и лингвистического характера.

Основным исходным доводом при этом была идея национальной самобытности словаков и самостоятельности их языка. Творчески переосмысливая учение Яна Коллара о славянской взаимности, штуровцы отказались от понимания славянского народа как целого, состоящего из четырех "племен" - русского, польского, чехословацкого и иллирийского. По Штуру в рамках славянского народа выделяются не четыре, а одиннадцать "племен" - великорусы, малорусы, болгары, сербы, хорваты, словенцы, поляки, чехи, словаки, верхние лужичане, нижние лужичане. Все они имеют право на самостоятельное культурное развитие, которое предполагает развитие их языков и литератур. Таким образом, не отрицая идеи славянского единства, Штур переносит акцент с абстрактного целого на реально существующие, пробуждающиеся к самостоятельной духовной жизни компоненты, составляющие это целое. Органическое сочетание единства и многообразия было характерно для штуровского понимания славянской взаимности. Из такого понимания логически вытекало, что развитие и расцвет отдельных славянских "племен" как национально-этнических индивидуальностей будет способствовать укреплению и процветанию славянского народа в це-

лом. В концепции Штура словаки выступают как отдельное славянское "племя", самостоятельный характер которого особенно ярко проявляется в духовной культуре, в языке, литературе, религии, искусстве. Штур доказывал, что словаки представляют собой "одно племо, одну индивидуальность, одну личность (die Persönlichkeit)", и это они должны осознавать. В процессе их самопознания важную роль играет наличие собственного языка, занимающего самостоятельное место в кругу других славянских языков⁴. Тезис о самостоятельности словацкого языка Штур подкреплял ссылками на мнение по этому вопросу признанных в славянском мире научных авторитетов /И. Добровского, П. И. Шафарика/. И все это служило аргументом в пользу того, чтобы поднять словацкий язык на уровень литературного языка. В этом отношении Штур в принципиальном плане продолжает литературно-письменную традицию, начатую реформой Бернолака. Высказываясь о усилиях бернолаковцев писать по-словацки, Штур вместе с тем полагал, что кодифицированный Бернолаком литературный язык не имеет перспектив, так как базируется не на "чистой" словацкой речи, которая по его мнению, представлена среднесловацкими говорами. Поэтому он рассматривал бернолаковщину как своеобразное переходное звено между чешским литературным языком и в о в н м словацким литературным языком, основу которого составляет "чистая" народно-разговорная речь.

Штур глубоко осознавал и постоянно подчеркивал важное социальное назначение нового словацкого литературного языка, который призван был стать решающим фактором национальной консолидации словаков, объединения всех патристических сил словацкого общества. Одной из самых насущных задач словацкого национального движения в первой половине XIX в. было преодоление раскола общества на два основных течения по конфессиональному и языковому признаку: католическое и протестантское. Принятие протестантской интеллигенцией, возглавляемой Штуром, словацкого литературного языка создавало необходимую предпосылку для объединения с католиками-бернолаковцами. Ключи лите-

ратурный язык по замыслу Штура должен был помочь подключиться к национальному движению патриотически настроенным словацким дворянам и представителям других слоев населения. В письме русскому слависту И. И. Срезневскому Штур отмечает, что они ввели в литературу словацкий язык, "желая объединить все сословия, дворянское, мещанское и люд, желая объединить религиозные партии, протестантскую чешскую и католическую берналяковскую..."⁵.

Подчеркивание интегрирующей функции словацкого литературного языка было неслучайным, ведь в нем штуровцы видели "связующее звено духовной и национальной жизни", "символ единства" словаков⁶.

Новому литературному языку штуровцы придавали большое значение и как орудие просвещения широких народных масс, как наиболее эффективному средству борьбы с неграмотностью и забитостью простых людей, как средству сближения интеллигенции с народом. Штур писал, что они не ставят себе цель возвыситься над народом, а наоборот, они "спустились вниз..., в лоно простого люда, стали говорить с ним на его родном языке"⁷. Все это отражало демократические устремления штуровцев, у которых понятие народ было достаточно широким. Оно включало различные социальные группы "средних" и "низких" слоев общества, мелкую буржуазию /торговцы, мельники, ремесленники и т.п./ и бесправное барщинное крестьянство. Стремление к сближению прогрессивной патриотической интеллигенции с простым народом характеризовало принципиально важную сторону возрожденческой программы Штура, который подчеркивал, что простой народ (obecný ľud) является "существенной (essentialis, wesentlich) составной частью нашей нации"⁸.

Развернутое обоснование назревшей языковой реформы, различные доводы в пользу нового литературного языка как единого для всех словаков изложены Штуром в книге "Словацкое наречие или необходимость писать на этом наречии"⁹.

2. И. Штур явился также кодификатором продуманной системы литературно-языковых норм, базирующихся на живой народно-разговорной словацкой речи, автором научного описания грамматического строя словацкого литературного языка. Эта проблематика наиболее полно разработана в его книге "Наука словацкого языка"¹⁰.

В этом труде Штур проявил себя, с одной стороны, как языковед-романтик, подчеркивающий субъективные эмоционально-эстетические характеристики родной речи, сохранившей "словацкий и славянский дух в своей чистоте и свежести", необычайно полнозвучной и красочной¹¹ и т.п., а с другой стороны, как серьезный аналитик, учитывающий новые веяния в науке о языке, делающий акцент на системное описание языка, на раскрытие его внутренних закономерностей. Исходя из того, что литературный язык должен представлять собой определенным образом организованную систему, Штур отвергал предложения тех, кто считал возможным собрать из всех словацких говоров самые "хорошие", наиболее отточенные формы и из них составить единое целое — словацкий литературный язык. По мнению Штура, такой механический подход привел бы к созданию пестрой "мешанины" и открыл бы дорогу всякому субъективизму и беспорядку¹². Новаторским был и по преимуществу синхронный подход Штура к описанию языковой системы, его ориентация на живые продуктивные формы и элементы языка¹³.

В целом штуровская кодификация опиралась на основные среднесловацкие и общесловацкие языковые признаки. Узаконенные Штуром нормы по многим параметрам полностью совпадают с нормами современного словацкого литературного языка. Наиболее подробно система норм штуровщины, охватывающая различные уровни и стороны языковой структуры, описана в книге Н.А. Кондрашова¹⁴. В данной статье мы ограничимся характеристикой лишь некоторых типичных черт штуровской кодификации.

Правописание. Исходя из того, что орфография должна основываться на произношении, Штур отстаивал фонети-

ческий принцип правописания. Это, помимо прочего, позволяло наиболее четко выявить и показать отличие словацкого языка от чешского. Из ряда конкретных штуровских регламентаций в области правописания назовем следующее:

На месте этимологического *y, ŷ* предлагалось писать *i, í*, поскольку обозначаемые этими буквами звуки не различались, например, *bit' /a* не *byt' /,* *ohiba /a* не *ohyba /* и т.п.

Штур узаконил обозначение мягкости согласных *n, t, d* не только перед гласными *a, e, u*, что практиковалось в словацкой письменности и ранее, но и перед *i, e*, а также перед дифтонгами *ja, je* например, *šna, t'a, lud'om, náradák, raňa, reňjazni, hje len, t'i, ot'eo, heť'ja, bď'el* и др. Это дало возможность графически фиксировать характерное для среднесловацкой диалектной области противопоставление указанных согласных по твердости - мягкости.

Штур впервые узаконил обозначение долготы не только гласных *á, í, ú* но и для шипящих согласных *š, ž*, которые в словацком языке могут выполнять слогообразующую функцию. Выступая в позиции между двумя согласными, они могли быть долгими и краткими, например *kiakí* 'скользящий', но *kiak'ava* 'скользить', *vik* 'волк', но *viša* 'волчица', *vkako* 'перо', но *vkak' chorhat'* и т.п.

Вместо графов *w, g, ě*, используемых в бернолаковском литературном языке, Штур узаконил графемы *v, j, ě*.

Фонетика. В фонетической системе словацкого языка, кодифицированной Штуром, представлены пять кратких гласных: *a, i, u, e, o* и соответственные с ними долгие звуки. Кратким *a, i, u* соответствовали долгие *á, í, ú*, а кратким *e, o* соответствовали, как правило, дифтонги *uo, ie* /долгие *é, ó* Штур считал нетипичными для словацкого языка/. С кратким *a* мог соотноситься также дифтонг *ja*.

Штур закрепил в литературной норме типичные среднесловацкие дифтонги *ia, ie, uo* /в написании *ja, je, uo*/, например *vid'ja, rjeť', kuoň*.

Примечательно, однако, что в штуровскую систему во-

кажется не вполне характерный для некоторых среднесловацких говоров звук ɛ /широкое открытое э, ср. соответствующее нормативное произношение в современном словацком литературном языке: máso , pát , váždat , zriediť и т.д. в том, что, по мнению Штура, этот звук является "настоящим дифтонгом", он имеет тенденцию к исчезновению и поэтому "не принадлежит нашему литературному языку"¹⁵. На месте ɛ в штуровские насалось a или o , например, svatí , zavážuje , páje , vážej (ср. совр. svätý , zavážuje , pájaj , vážej).

Характерной чертой штуровской литературной нормы было произношение p в формах глагола прошедшего времени типа bol , mal , volal , robil Правда, в качестве варианта произношения допускались и l (то есть так же, как в совр. формах bol , mal , volal , robil).

Бесспорной заслугой Штура было установление ритмического закона сокращения долгот, по которому в слове не могут следовать друг за другом два долгих слога. Характерная для типичной для среднесловацких говоров черта, Штур писал: "В чистом словацком языке нигде не встречаются два долгих слога, и даже если один из слогов по своему характеру должен быть долгим, он сокращается, когда ему предшествует долгий слог"¹⁶. Это правило реализовалось в штуровские достаточно последовательно, ср., например, háďu (а не háďú), vjaďu (а не vjaďú), pĵatí (а не pĵatí) и т.д.

В системе согласных, которая в основных чертах совпадает с соответствующими нормами современного словацкого литературного языка, Штур специально выделяет аффрикаты dz и dĵ , подчеркивая в этом пункте отличие словацкого языка от чешского, например, háďzat , chádza , dĵalovať .

В отличие от современной литературной нормы штуровская система согласных не включала мягкое l (l'). Штур считал, что этот звук недостаточно распространен в словацких говорах и неэстетичен /"неприятный"¹⁷/.

Несмотря на то, что кодифицированная Штуром фонетическая система не включала такие типично среднесловацкие языковые элементы, как ä и ŕ , в целом она хорошо отра-

жает характерные особенности звукового строя среднесловяцких говоров.

Грамматика. Узаконенная Штуром система морфологических норм характерна /с незначительными изменениями/ и для современного словацкого литературного языка. При описании грамматического строя Штур стремился постичь системную организацию языка, его современное состояние. При этом ярко проявилось не только знание предшествовавшей чешской и словацкой грамматической традиции, но и творческий самостоятельный подход, позволивший выделить и кодифицировать ряд характерных признаков народно-разговорной словацкой речи.

Отметим некоторые типичные для штуровщины морфологические черты:

Окончание форм Им. и Вин. падежей ед. числа имен существительных среднего рода - ja например, nárečja, zvedo-
mja, zdravja (совр. норма - окончание -ie, ср. nářečie, zvedomie, zdravie).

Окончание форм Твор. падежа мн. числа имен существительных -ní, -ami /то есть с долгим конечным гласным/, например, zusední, medvední и medvedami, volní и volami, slovní и slovami (совр. норма - окончание -ní, -ami, ср. chlapní, hridnami). В случае действия ритмического закона конечный гласный сокращался, например, ránní и др.

Окончание форм Дат. падежа ед. числа имен существительных среднего рода -h и например, staveň, znamení (совр. норма - окончание -iu, ср. vyzvedčeniú, znameniu).

Окончание форм Им. и Вин. падежей ед. числа имен прилагательных -no например, dobroú, potrebuú (совр. формы dobré, potřebné).

наличие дифтонга je в окончаниях косвенных падежей имен прилагательных, например, dobrjeho, dobrjemu, každjeho, každjemu (совр. формы dobrého, dobrému, každého, každému)

Формы инфинитива на -uvat'; obetuvat', rovaťuvat' (совр. формы obetovat', rovaťovat').

Штуровские предписания в области морфологии были не

всегда однозначны и категоричны. Исходя из того, что нормы молодого литературного языка еще не окончательно стабилизированы, Штур в ряде случаев допускал употребление вариантных форм.

Как отмечает Э. Паулина, штуровские нормы в области правописания, фонетики и морфологии существенно отличались от соответствующих норм чешского литературного языка¹⁸, иначе говоря, Штуру удалось выявить и показать специфику словацкого языка.

В своем основном лингвистическом труде "Наука словацкого языка" Штур уделил значительное внимание грамматическим категориям имени и глагола, проявив при их характеристике умение замечать не только формальные, но и тонкие семантические различия исследуемых категорий в словацком языке по сравнению с другими славянскими языками, в том числе и с близкородственным чешским языком. В разделах книги, посвященных грамматическим категориям, органически сочетались нормативный и описательный подходы к конкретному материалу словацкого языка. Ряд важных наблюдений Штура связан с изучением глагола в славянских языках, в частности таких глагольных категорий, как время и вид. Призывая заслуги Й. Добровского в этой области, Штур вместе с тем замечает, что он все же "не объяснил должным образом свойство (*die Beschaffenheit*) нашего глагола и его образование"¹⁹. Штур полагал, что в предшествующей грамматической традиции не было до конца понято существенное отличие славянских глаголов — "их деление на совершенные и несовершенные (*dokonalé* и *nedokonalé*)"²⁰. Как известно, эта характерная черта славянского глагола находит свое отражение в семантике и средствах выражения различных глагольных категорий.

Штур не оставил после себя ни нормативных лексикографических трудов, ни специальных лексикологических исследований, однако в своих общих лингвистических работах, в ряде статей и рецензий, а также в редакторской практике он уделял внимание и вопросам нормализации и развития

словарного состава литературного словацкого языка. По сравнению с фонетическим и грамматическим строем лексика Штуровщины в силу ряда объективных причин не столь радикально отличалась от чешской лексики²¹. Все же следует подчеркнуть, что и в этой сфере Штур пытался осуществлять свои кодификаторские устремления, выступая за чистоту словацкого языка, за активное использование в литературе словарного богатства различных местных говоров, а также элементов словацкой народно-поэтической речи. Он показывал, что наряду со сходством между чешским и словацким языками имеются определенные различия в словах, типичных словосочетаниях и фразеологизмах /например, чеш. *artvici jant rokašan*, слов. *vjetox ho kajel, kavjalox, rogasile* 'его хватил удар'; чеш. *uscházet se o právo*, слов. *práva sa domáhať* 'добиваться права и др./, отмечая расхождение в значениях некоторых близких по звучанию чешским и словацким слов /например, чеш. *chudý* 'бедный' и слов. *chudý* 'худой'; чеш. *zvúžit* 'повисить' и слов. *zvúžit* 'остывать' и др./.

В отличие от многих словацких деятелей старшего поколения /Я. Коллар, П. Й. Шафарик и др./, которые считали, что слова простой крестьянской речи непригодны для литературного языка, Штур и его последователи смело включали подобные лексические элементы в литературные тексты, рассматривая их как полноценные компоненты словарного состава литературного словацкого языка²². Вместе с тем Штур хорошо понимал, что узаконенный им литературный язык не может ограничиваться только словацкой диалектной лексикой. Свое понимание путей обогащения и развития словарного состава литературного языка он кратко сформулировал в "Объявлении о словацкой национальной газете", в котором писал: "Народ, который в науках (*scientia*) на своем языке до сих пор мало что сделал, у которого не было высшей общественной жизни, не обладает и словами, относящимися к этим высшим предметам (*objectum*), поэтому, желая взяться за это, он вынужден прибегать к образованию или заимствованию слов. И нам придется также поступить"²³.

В отношении заимствованных слов Штур в целом занимал достаточно трезвую, свободную от крайностей позицию. Доказывая лексическое своеобразие словацкого языка, он, однако, признавая возможность и целесообразность заимствования слов из других славянских языков и прежде всего из чешского языка /особенно тех слов, которые отсутствовали в словацком языке/. Исследование текстов на итуровщине показало, что в них встречается немало лексических богатств²⁴. Особенно заметным было влияние чешского языка на формирование словацкой научной терминологии и абстрактной лексики. Как отмечает Э. Паулини, наиболее важная часть специальных терминов литературного лексикона была заимствована в итуровский период из чешского языка²⁵. Среди них были также широкоупотребительные слова, как *časopis, dejepis, dejes, kušlik, národopis, názor, perast, rojem, rezanek, predmet, prvok, rastlina, rozber, samohláska, sloh, sústava, štvorec, údel, veda, výsledok, záhar, životoris* и др.

Аналогичную позицию занимал Штур и по отношению к словам, заимствованным из неславянских языков. Известно, что в процессе своего исторического развития словацкий язык контактировал со многими языками²⁶, что наложило отпечаток на словарный состав словацких диалектов и на словацкий литературный язык. Естественно, что и в текстах на итуровщине представлен довольно значительный пласт иноязычной лексики. Это и слова латинского и греческого происхождения, и лексические заимствования из немецкого, венгерского и ряда других языков. Как нам представляется, принцип чистоты языка в отношении к иностранным словам у Штура не был абсолютизирован. Он диалектически дополнялся критерием целесообразности. Штур, с одной стороны, признавал возможность и даже необходимость использования их в литературном языке /прежде всего в тех случаях, когда эти слова и ранее употреблялись в словацких говорах или в книжно-письменной традиции и не замещали собственно словацкую лексику/, с другой стороны, он иногда довольно резко выступал против **ч р е з м е р н о г о** и

Функционального неоправданного употребления иностранных слов, видя в этом определенное насилие над словацким языком и справедливо считая, что это делает литературные тексты непонятными для широкого круга читателей.

Стремясь содействовать развиту и обогащению лексики нового литературного языка, Штур и многие его соратники, вводя в тексты новые или малоизвестные слова, применяли различные способы раскрытия или уточнения их лексического значения. В частности, была распространена практика постановки в скобках при данном слове или словацких синонимов, например *aktér* (akler), *peká* (gambí) или иностранных эквивалентов /латинских, немецких и реже - венгерских/, например, *báňa* (poetica carmina), *blaho* (das Wohl), *hláka* (Laut), *návrhi* (procta, Verachtliche), *hadostatok* (defectus, der Mangel), *obescastvo* (publicum), *romer* (relatio, der Verhältnisse), *ramík* (Denkmal, monumentum), *zmenka* (Wechsel) и др. Подобные пояснения и уточнения были важны для стабилизации значений новых слов, они служили для читателей ориентирами правильного литературного употребления этих слов.

3. Велики заслуги Штура в борьбе за внедрение нового литературного языка в жизнь, за обеспечение его реального функционирования в различных коммуникативных сферах. В сложной языковой ситуации Словакии в середине XIX в., характеризовавшейся настоящей литературно-письменной разногласией, новому литературному языку предстояло обрести статус общенационального литературного языка словаков. Для этого он должен был вытеснить из важнейших сфер общения другие языки, прежде всего чешский литературный язык, бернолаковщину и венгерский язык.

На пути практического применения штуровщины было немало трудностей. Отношение современников к языковой реформе Штура оказалось далеко неоднозначным: от крайне отрицательного до восторженного. Это и понятно, ведь она затронула сложные вопросы словацко-венгерских и словацко-чешских отношений, а также национально-идеологические и

конфессиональные противоречия в самом словацком национальном движении²⁷. На первых порах введение нового литературного языка фактически усугубило размежевание национально-патристических сил словаков, поскольку это привело к временному противостоянию даже в лагере словацких протестантов. Одни из них горячо поддерживали штуровское начинание, другие продолжали пользоваться чешским языком и вместе с многими деятелями чешского национального движения активно выступали против проводимой языковой реформы. По инициативе Я. Коллара в 1846 г. в Праге был опубликован сборник чешских и словацких авторов "Толеса о необходимости единства литературного языка для чехов, моравян и словаков"²⁸, статьи и материалы которого прямо или косвенно были направлены против реформы Штура. После выхода в свет этой книги в различных словацких изданиях развернулась дискуссия по данной проблематике. Штур и его соратники /И.М. Турбан, М.М. Годжа, А. Сладкович и др./ в полемических выступлениях доказывали оправданность и насущную необходимость предпринятой реформы, раскрывали ее подлинный смысл, ее общенациональную значимость. Отвечая на обвинения в подрыве "чехословацкого" культурного единства, они отстаивали право словаков на свою литературно-языковую самостоятельность и вместе с тем подчеркивали важность сохранения и дальнейшего развития культурных связей между словаками и чехами.

Большие усилия прилагали штуровцы для привлечения на свою сторону словацких католиков /бернолаковцев/, многие из которых выступали за сохранение бернолаковщины или же за такие изменения орфографических норм нового словацкого литературного языка, которые сближали бы его с бернолаковщиной. Ради достижения единства по вопросу о литературном языке словаков Штур в этом плане шел на определенные уступки.

Наконец, следует отметить, что и в ближайшем окружении Штура не было полного единства во взглядах на нормы нового литературного языка, особенно в области право-

писания. В спорах со своими сторонниками по этим проблемам Штур также нередко проявлял толерантность и склонность к компромиссам.

Введение в жизнь нового словацкого литературного языка обеспечивалось целенаправленной и разносторонней практической деятельностью штуровцев. Прежде всего они добивались применения словацкого языка в школах и при богослужении, поскольку функционирование в этих сферах венгерского языка особенно сильно затрагивало национально-патристические чувства словаков. При этом допускалось, что в протестантских школах и церквях мог по-прежнему использоваться чешский язык. Значительные усилия предлагались также для введения словацкого языка в административно-правовую сферу /суд, делопроизводство и т.п./. Большое значение имело применение штуровцами в художественной литературе. В этой сфере новый литературный язык, теснейшим образом связанный с народной-разговорной речью, явился подлинным стимулом художественного творчества словацких писателей. Уже первые годы его реального функционирования ознаменовались яркими достижениями словацкой романтической поэзии и прозы — произведениями А.Сладковича, Я.Краля, С.Халузки, Я.Калинчака, Й.М.Гурбана и др. Да и сам Штур способствовал развитию словацкого литературного языка не только как лингвист-кодификатор, но и как писатель, поэт, журналист и оратор. Важную часть корпуса текстов на штуровщине составляли научные сочинения, в том числе лингвистические работы Штура, Голки, богословские труды, а также разнообразная переводная литература. Для распространения литературного языка в широких слоях общества значительное значение имело издание Штуром первой газеты на словацком языке "Словацкая национальная газета" (Slovenské národné noviny, 1845-1848) с литературным приложением "Орел Татранский" (Orol Tatranski).

Эта газета и по языку, и по содержанию была рассчитана не на элитарные круги интеллигенции, а на массового читателя из различных социальных слоев. Будучи редактором газеты, Штур стремился привлечь на ее

странной широкой читательской актив, в том числе и берно-лаковцев. В связи с этим он был терпим к некоторым отклонениям от кодифицированных им литературных норм в языке приспосабливаемых для публикации материалов. "Словацкая национальная газета" и редактируемый Гурбаном журнал "Словацкое обозрение" (Slovenskja revbiai na vied, umejba a literatba, 1846-1852) сыграли важную роль в развитии словацкого журналистика, в становлении публицистического стиля литературного словацкого языка.

Активную деятельность по пропаганде и распространению штуровщины проводило культурно-просветительное общество "Татрин", созданное в августе 1844 года. Его председателем был один из ближайших сподвижников Штура - М.М. Годжа. Рабочим языком общества был словацкий язык, на нем велись протоколы, проходились обсуждения и т.п.

Все это свидетельствует о постепенном прояснении штуровщины в разные сферы общественной и культурной жизни. Этому соответствовало и расширение социальной базы этого языка. После того, как в августе 1847 г. на заседании общества "Татрин" в Чахтыцах была достигнута договоренность между словацкими протестантами и католиками о единых нормах литературного словацкого языка /система штуровских норм была несколько модифицирована, по предложению Годжи и М.Гатталы в нее были внесены некоторые поправки и дополнения, главным образом в правописание²⁹/, создались реальные предпосылки для объединения на платформе "исправленной штуровщины" двух основных течений словацкого национального движения. Таким образом, новый литературный язык практически стал употребляться без конфессиональных ограничений. Наряду с этим постепенно преодолевались и социальные ограничения: благодаря введению нового литературного языка в школьное образование, а также его широкому использованию в газете, журналах и других популярных в народе изданиях /альманахи, календари и т.п./ его носителями становились не только интеллигенция, но и представители других социальных слоев и групп: мещане, ремесленники, крестьяне, и т.п. Это означало, что

узаконенный Штуром литературный язык действительно стал важным культурным достоянием всего словацкого народа, обрел статус общенационального литературного языка,

Примечания

1. Подробнее об этом см.: Смирнов Л.Н. Формирование словацкого литературного языка в эпоху национального возрождения // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. - М., 1978, с. 86-113.
2. Смирнов Л.Н. Указ. соч., с. 103-105.
3. Ср.: Štúr L. Hlas k rodákovi // Orel Tatranski. - V Prešporoku. 1845. Čís. 6. - S. 42.
4. Ср.: Štúr L. Nárečie slovenské alebo potreba písania v tomto nárečí. - Turč. Sv. Martin. 1943. - S. 89.
5. Listy Ľudovíta Štúra. II. - Bratislava. 1956. - S. 237.
6. Ср.: Štúr L. Hlas oproti Hlasovi // Orel Tatranski. - V Prešporoku. 1845. - Čís. 35. - S. 275.
7. Štúr L. Hlas oproti Hlasovi... S. 282.
8. Štúr L. Ľud náš obecny // Štúr L. Dielo v piatich sväzkoch. Zv. I. - Bratislava. 1954. - S. 49.
9. Štúr L. Nárečie slovenskoe alebo potreba písania v tomto nárečí. - V Prešporoku. 1846.
10. Štúr L. Nauka reči slovenskej. - V Prešporoku. 1846.
11. Ср.: Štúr L. Dielo. I. - Bratislava. 1965. - S. 289.
12. Ср.: Štúr L. Dielo. I. - S. 209.
13. Ср.: Blahár V. Ľudovít Štúr ako jazykovedec // Slovenská reč. - Bratislava, 1956. - Čís. 3-4. - S. 753.
14. Ср.: Kondrašov N.A. Vznik a začiatky spisovnej slovenčiny. - Bratislava, 1974.
15. Štúr L. Nárečie slovenské alebo potreba písania v tomto nárečí. - Turč. Sv. Martin, 1943. - S. 159.
16. Štúr L. Op. cit. - S. 266.
17. Štúr L. Op. cit. - S. 222.
18. Ср.: Pauliny E. Dejiny spisovnej slovenčiny od začiatkov po súčasnosť. - Bratislava, 1983. - S. 182.
19. Štúr L. Op. cit. - S. 205.
20. Štúr L. Op. cit. - S. 205.
21. Ср.: Kondrašov N.A. Op. cit. - S. 189.
22. Ср.: Ivanová-Salingová M. Príspevok k štýlu štúrovskej prózy. - Bratislava, 1964. - S. 36.
23. Štúr L. Politické state a prejavy. - Bratislava. 1956. - S. 37.
24. Ср.: Kondrašov N.A. Op. cit. - S. 213.
25. Ср.: Pauliny E. Op. cit. - S. 185.
26. Ср. об этом, в частности, специальную монографию: Dorul'a J. Slováci v dejinách jazykových vzťahov. - Bratislava, 1977.

27. См.: Смирнов Л.Н. Отрешение в литературно-языковой сфере борьбы за консолидацию словацкой нации (середины XIX в.) // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе.- М., 1981.- С.204-209.
28. Hlasové o potrebe jednoty spisovného jazyka pro Čechy, Moravanu a Slováky.- V. Praze, 1846.
29. См.: Смирнов Л.Н. О роли реформы М.М.Годжи - М.Гаттала в истории словацкого литературного языка // Славянское и балканское языкознание.- М., 1979.- С.232-245.

Людвиг Штур и развитие словацкой поэзии

Тема "Штур и развитие словацкой поэзии" весьма широка для того, чтобы даже слегка коснуться различных ее аспектов в рамках небольшой статьи. Поэтому мы сосредоточили внимание на поэзии Штура в контексте развития словацкой романтической школы. За пределами анализа остается развернутое сопоставление творчества Штура с наследием других поэтов-романтиков; нам представляется наиболее важным проследить преломление основных тенденций словацкого романтизма в стихах Штура.

Поэзия Людвигита Штура находится словно в тени: ее заслуживает как творчество других словацких романтиков, так и собственная многосторонняя деятельность Штура. В истории словацкой культуры Штур предстает прежде всего в качестве общественно-политического деятеля, лингвиста и литературоведа, философа и публициста. Традиционные словосочетания "штуровская школа" и "штуровский романтизм" означают то, что Штур был главным вдохновителем нового поколения словацких поэтов, теоретиком национальной поэзии, но его собственное литературное наследие не позволяет считать его ведущим поэтом той школы, которая названа его именем.

"Штуровская школа" представлена в первую очередь поэтами Яно Кралем, Андреем Сладковичем, Самом Халушкой, Яном Ботто, прозаиком Яном Калинчаком. В их творчестве утвердился кодифицированный Штуром словацкий литературный язык и воплощались новые традиции поэтики, соотносимые — хотя и не во всем — с европейским романтизмом и при этом обладавшие ярко выраженными национальными чертами. Сам Штур — отчасти умышленно — оказался как бы во втором ряду словацких поэтов-романтиков /А.Г.Шкультеги, Я. Францисци-Римавский, Я. Матушка/. Можно отметить, что другой идеолог штуровского движения, Йозеф Милослав Гурбан, также был литератором лишь на втором плане.

Арслав Вичек утверждал даже, что Штур, по мнению сверстников и более молодых, "сам поэтом не был"¹. Но такая категоричность несправедлива. Штур был поэтом, и это доказывают не только работы словацких литературоведов², но и просто непредвзятое прочтение его стихов. К тому же, как верно отметил известный исследователь словацкого романтизма Милан Пышут, поэзия Штура показывала словацким романтикам пример большей творческой свободы и естественного разнообразия, чем это достигнито риторическими эстетическими постулатами, уводившие непосредственное вдохновение к абстракции³.

Как известно, ранние штуровцы, вплоть до начала 40-х годов, в мировоззренческом и тематическом отношении были связаны с Яном Колларом, вдохновленные его "Дочерьми Славии" и идеей славянской взаимности. Как и Коллар, они пользовались чешским языком; по их представлениям, единый "чешскославянский" язык должен был утвердить литературную взаимность обоих народов. Однако штуровцы быстро отошли от позиции Коллара, который в 30-е годы стремился создать некий синтез чешского и словацкого языков. Несколько модифицируя нормы чешского литературного языка /попытка, практически не встретившая поддержки с обеих сторон/. Другим образом для начинающих штуровцев был Ян Галлы, с его национально-патристическими историческими темами /уже не просто славянскими, но и словацкими/, а также развитием античных стихотворных форм и просодии на основе словацкого языка, нормированного А.Берналаком. Идеино-эстетические импульсы связывали штуровцев с творчеством преромантика Карола Кузmani.

Раннее творчество Штура, как и поэзия его сподвижников, — это своеобразный период ученичества, продолжение традиций Коллара и Галлового. Однако в нем постепенно усиливается преромантические черты, появляется новое осмысление истории и современности — в духе национально-освободительных и революционно-антифеодалных устремлений молодого поколения. Ценные импульсы воспринимались и от инациональной поэзии, в первую очередь — славянской.

Оных поэтов воодушевляло творчество Мицкевича, Пушкина, Махи, Петафи. Отношение к западноевропейскому романтизму было более сложным /вплоть до неприятия байронизма зрелым Штуром/.

Большое влияние на Штура оказали также стихи его брата Карола, одного из первых словацких романтиков, тоже остававшегося в тени более ярких дарований. Дядовит Штур посвятил брату свой послереволюционный сборник "Сказания и песни" /1853/.

Первые публикации Штура относятся к середине 30-х годов - в рукописных и печатных изданиях "Чехословацкого общества" при кафедре Братиславского лицея. Известный альманах "Плоды..." /1836/ печатает, в частности, три сонета Штура, представляющие собой переработку более обширных сонетных циклов, вошедших в сб. "Pamätnice

Spoločnosti. /1834/. Эта строфическая форма, блистательно развитая Колларом и, естественно, заимствованная Штуром у него, зрелыми штуровцами сознательно не использовалась. Влияние Коллара отчетливо видно и в содержании, и в форме сонетов Штура. Это размышления о славном прошлом, мрачном настоящем и обнадеживающем будущем славянства, окрашенные субъективным элегическим тоном. Сохраняются строфическая схема и размер сонетов Коллара. Даже в языке встречаются типично колларовские неологизмы: "velza, sterpinu, vercoe, verch". В окончательном варианте цикла подчеркивается патристическое звучание: так, вместо обращения "Ľečo mŕtná" появляется "Smŕtná Tatro" и т.п. В последнем сонете усилен мотив переходящего, изменчивого, финал неожиданно оптимистичен: народ пробудится от тяжелого, словно заколдованного сна, над Татрой вновь взойдет солнце.

Поэзия Штура в 30-е годы представлена как классицистическими, так и преромантическими произведениями. По форме это оды и эпитафии деятелям Славянства, написанные метрическим стихом, аллегорические повествования, патристические воззвания и элегии, нередко созданные на мотив словацких или польских народных песен /т.е. воспроизводя-

ние фольклорные поэтические структуры, которые вскоре станут основой для поэтов-романтиков/. Фольклорные образность и ритмика /на основе разбитого пополам 12-сложника/ ярко проявляются, в частности, "Краковякка" /1836/, полных сентиментальных любовных признаний /что для зрелого Штура нехарактерно/:

Голубка грустная
облетала земля,
перышко ее в тихий
упало Дунай.
О, как тому перышку
в тихом Дунае,
так и мне здесь пусто
в далеком от Тебя краю / с. 49/.*

Романтическое начало ощутимо и в патриотической лирике /образный строй стихотворения "Сокол", написанного силлабическим народным стихом/. Патриотические призывы нередко носят боевой характер /"Привет вам, братья", "Договор словаков", "Боец"/; желанная свобода будет обретаема в борьбе за национальные права - это уже было новым шагом по сравнению с поэзией словацкого классицизма, хотя тематически штуровцы во многом были последователями Я. Голлого, воспевшего боевую отвагу славянских предков. "Свободу завоевать или погибнуть - лучше, чем в ярме угасать, вот лозунг, достойный Славы сыновей!" /"Привет вам, братья". 29/.

Решимость и жертвенность личности в борьбе за счастье народа вскоре станут лейтмотивом словацкой романтической поэзии. В частности, Янко Крадь в 40-е годы создает аллегорические образы гордых и самоотверженных птиц, сражающихся со свирепой бурей, - прежде всего это Орел /ср. название литературного приложения к штуровской газете: "Орел Татранский"/. В революционной "Весенней песне" /1849/ Крадь писал:

* Здесь и далее подстрочный перевод наш. - Н.Ш.

Нет прекрасней в мире жизни, чем свобода святая,
всамогущему этому жизни никто не воспрещает!
Погибли наши братья за это имя, смерть вражда,
но из могил их выходят ряды героев.

У него же мы читаем в стихотворении "Слово", написанном в 1861 г., в пору нового расцвета словянского романтизма: "Мы будем бояться никакой силы, / иначе мы - лишь рабы" ⁵. Афоризмом этих свободолюбивых стремлений прозвучало в 60-е годы знаменитое личное стихотворение Само Калужки "Убей его!" /1864/, где речь идет о борьбе древних славян за свою независимость:

Даже если ты дуку отдашь в том без жестоком -
бей врага, и лучше умереть, чем жить тебе рабом! ⁶

Возникшие мечтания колларовского поколения, воспринятые итудовцами, беззащитно развивались в действительность, что порождало у Штура /и не только у него/ настроения, близкие к отчаянию, но крайней мере выходящие далеко за пределы печаль, душевной боли, ощущения одиночества, дурными предчувствиями. Такой наиболее известный предреволюционный цикл Штура - "Думки вечерние" /1838-1840/. Но и во многих других произведениях тех лет варьируются мотивы закатавшегося солнца и глухой ночи, беспросветного сна "синевой Словакии" в их предметности по отношению к матери - родной земле. Распространенная в словацкой литературе тема "odrodil[stva]" - перерождения, ренегатства, - развита в итудовском повествовательном стихотворении "Потерянный сын Словакии" опубликованном в "Плодах", и продолжена в XII части "Думок...". Мотив борьбы света и тьмы, истолкованный в национально-патриотическом смысле, конкретизируется в Штура как борьба природных стихий: мрачные тучи и злой ветер, от которого сдвигут горы и леса, сражаются с солнечным сиянием. Противопоставление солнца и туч, как мы увидим, станет основной аллегорией в поэзии Штура, и это не только контраст внешних сил, но прежде всего - противоречивость настроения лирического героя, который упрямо хочет уловить проблеск света в собственной душе,

стесненной грустью и разочарованием. Примером могут служить строки "Приветствия" /1841/, обращенного к чешским друзьям:

Еще перед заходом ты, солнце, выглянуло
из туч, и они вспыхнули румянцем,
горы ясным сиянием оделись,
небо украшено пестрым полувенцом;
печаль с надеждой так, милые мои, играет
у сыновей Татр на берегах Дуная /с. 128/.

"Думки вечерние", одно из первых произведений словацкого романтизма /или яркий завершающий аккорд пре-романтической поэзии/, интересны как раз соединением патриотической и социальной тематики с глубоко личными переживаниями лирического героя. Все, что он видит и о чем размышляет, отмечено субъективной прочувствованностью; образная картина становится индивидуальной, живой, противоречиво-тонкой, подчас трудноуловимой в оттенках.

Печальные мотивы последних закатных лучей и наступающей тьмы символизируют здесь не только былую славу родины, переживающей мрачные времена, но и невозвратность личного прошлого, быстротечность дней /Ш "думка"/. Оторванная от друзей или от родины, в одиночестве мечется и тоскует душа лирического героя /XI, XIV "думки"/. Штур считал, что в славянской поэзии, в отличие от западноевропейской, чувства печали и отчаяния обусловлены прежде всего тем, что поэт - частица своего страдающего народа; в борьбе за его счастье обретаются смысл жизни, избавление от личной боли /эта идея через семьдесят лет отозвалась в творчестве символиста Ивана Краско/.

В лирическом контексте воспринимаются и социальные зарисовки, представленные в основном монологами крестьян и солдат о своей беспросветной доле /работа и помещика, нужда, рекрутчина/. Жизнь простого народа, показанная в драматических контрастах, с неизменным авторским сочувствием к бедным трудолюбивым людям, испытывавшим двойное - национальное и социальное - угнетение, - это была, по сути, новая тема в словацкой литературе. Картины из народ-

ной жизни так или иначе воссоздавали в прозе словацкие писатели-просветители /И.И.Байза, Ю.Фандли/; реальный жизненный материал по-своему преломлялся и у классицистов - в "песнях об урожае" Б.Таблица. в "Идиллиях" Голлого, в "разбойничьих" мотивах поэзии молодого П.И. Шафарика, Однако именно романтики, и прежде всего "народный бунтарь" Я.Краль, сумели увидеть и показать глубинные противоречия общественной жизни, в том числе - жизни социальных низов. От романтиков потянулись нити к реализму, к поэзии Гвездослава и т.д. И в период формирования словацкого романтизма как раз Штур делает первые шаги в разработке этой темы.

Экспрессивно-лирическая атмосфера "Думок вечерних" пронизана патриотическими настроениями, передаанными ничуть не декларативно-лично, глубоко, искренне, со сдержанной болью и надеждой. Лирического героя "Думок" окружают в ночи величественная, таинственная, одушевленная природа Словакии и обманчиво молчаливые руины замков. Подчеркивается горестный контраст былого расцвета родной земли и ее нынешнего упадка, глухого прозябания. В романтическом соседстве лирический герой предаётся своим раздумьям, беседует с горами, хранящими предания старины /У, IX "думки"/. Не находя вокруг верной души, он поверял старым горам "тоску сердца, растревоженного болью". Словацкие горы могли бы многое рассказать потомкам прежних витязей, но настоящее подвергает даже природу в грустное оцепенение. "Но вы молчите - вместо ответа// облаками и мглой покрываете головы?.." - обращается герой к горам в IX "думке" / §. 86/. Гнетущая безответная печаль, связанная с размышлениями о родном крае, - основная эмоциональная тональность "Думок...", но она /в соответствии со взглядами Штура/ не всеобъемлюща и не безысходна. У лирического героя есть в жизни ясная цель - служение родине, над которой однажды разойдутся тучи, есть и друзья-единомышленники с "волей благородной" /XI "думка"/.

Многие "думки" написаны сентиментальными восьмистишиями, близкими поэзии Мицкевича, но встречаются и другие

формы, напоминающие словацкие народные песни /У, УІ, ХІІ/. Сам жанр "думок" поэт связывал с украинской литературой. /"Думами" называл свои стихи и Я.Краль/. Х "думка" своим просветительским пафосом и классицистической стройностью композиции уже выбивается из общего романтического русла. Стилистика Штура в "Думках..." все же больше "книжная", чем фольклорная; есть характерные сравнения /мятущаяся душа - летящий сокол, бледное лицо - месяц в туманном облаке/, параллелизм природы и душевных состояний, природы и истории, однако в целом "Думки" далеки от фольклорных стилизаций. Одним из важнейших препятствий на новаторском пути Штура был архаичный, перегруженный словацкими вариантами чешского языка, явно сковывавший творческие возможности ранних словацких романтиков и затруднявший восприятие их произведений. Поэтому "Думки вечерние" и не встретили должного резонанса.

В начале 40-х годов Штур пишет еще целый ряд гражданско-патриотических и интимно-лирических стихотворений на чешском языке. Его привлекают не только национальные и инославянские темы, но и, например, фигура Наполеона, вызывающая уважение своей мощью, решительностью /"Елена"/. Выделяется здесь и небольшой цикл, посвященный Марии Поспишловой, - тончайшая любовная лирика Штура, идущая отчасти вразрез с его аскетичной теорией национальной поэзии. Этим циклом Штур предвосхотил Андрея Сладковича с его лирической поэмой "Марина" /1846/. Судьба Штура, включая его смерть в сорокалетнем возрасте после несчастного случая, изобиловала романтическими коллизиями. Необычайно красивый внешний облик Штура, душевное благородство, эмоциональность, разносторонняя одаренность сочетались с аскетической целеустремленностью, жесткой волей, верностью основным принципам, - вплоть до самоотречения. Одной из названных коллизий стал добровольный отказ от любви к Марии во имя служения страдающей родине, нежелание ввергнуть любимую вместе с собой в лучину несчастий. Отказ выгашен в последнем стихотворении цикла, "Прощание".

Цикл исполнен печали и томлений, прежде всего из-за

разлуки с милой: только мысль лирический герой может соединиться с ней, полететь от словацких Татр к чешским Крконошам, где живет Мария. Ни ветры, ни облака, ни ласточка /фольклорно-романтические символы/ не смогут донести до Марии чувства лирического героя, остаются только грезы /"мечта"/. Эти грезы, эти воспоминания способны, вопреки зиме в природе, наполнить душу героя летним теплом, но любимая может превратить лето в мучительную осень /"Воспоминание"/. Примечательно, что любовная лирика Штура /к названному циклу следует добавить стихотворение на смерть Адели Остроушской, 1853/ сочетает в себе пронзительную искренность, камерность тона и платоническую возвышенность чувств. И Мария, и Адела предстают в его стихах как сестры по духу, желанные собеседницы-патриотки. В образе Адели Штур подчеркивает чисто духовные качества — ее утонченность, благородство, любовь к своему народу. Привязанность к Аделе и скорбь по поводу ее ранней смерти поэт выражает не от первого лица, а от обобщенного "мы": соотечественники, верные сыновья Словакии скорбят об "увядшем красивом цветке Грона" /294/. Уже в этом начальном образе видна принадлежность Адели к Словакии, к ее поэтизированному миру, одним из символов которого стала река Грон. На наш взгляд, идеализированный образ Адели /личности действительно незаурядной/ и стилизация лирического героя под "обобщенное лицо" свидетельствуют не об элементах "запоздалого классицизма" в поэзии Штура, а о замаскированном расхождении с собственными теоретическими положениями, в самом деле отмеченными нормативностью сродни классицистической /в тематической иерархии любовная лирика занимала весьма низкое место как несвоевременная/.

К середине 40-х годов филологические труды Штура, посвященные разработке нового литературного языка, приобретают для словацкой поэзии большее значение, нежели его литературное творчество. Штур-поэт постепенно отступает на второй план, все больше пишет как бы для себя. Возможно, такая эволюция была намеренной; в 1838 г. Штур,

недовольный публикацией своих стихотворений, писал М.М. Годже, что "иначе надлежит на народ воздействовать" /с. 310/. Ныне он успешно воздействует на народ как политический деятель, филолог и журналист, издатель газеты "Словенске народне новini", но продолжает публиковать и свои стихи - в частности, в "Орле татранском".

Первый литературный опыт на новом литературном словацком языке - второй выпуск альманаха "Нитра" /1844/ - представил читателям новую звезду отечественной поэзии, Янко Краля. В его балладах и лирике органично соединились романтическое мироощущение, национальная самобытность проблематики, фольклорный стиль и связанное с ним силлабическое стихосложение, практиковавшееся штуровцами. Поэзия Краля была одним из первых образцов нового литературного языка, в основу которого были положены родные говоры поэта /Краля был уроженцем Липтовского Микулаша/. Первое выступление Краля в "Нитре" заслужило высокую оценку Штура. Однако Краля, ведущий поэт штуровской школы, нередко вступал в противоречие со Штуром - не только в силу своего политического радикализма, но прежде всего - по самой своей творческой природе, подлинно романтической, мятежной, созвучной байроновскому типу, который Штур, как отмечалось, считал неприемлемым для славянской поэзии - по его воззрениям, чуждой индивидуализму и пессимизму, обращенной в будущее. Признавая авторитет Штура, Краля оставил многие свои произведения неопубликованными.

В том же номере "Нитры", рядом с балладами Краля "Завербованный", "Убитый", "Заколдованная львица в Ваге и страшный Янко", которые были признаны вершинами национальной поэзии, была напечатана и баллада Штура "Неизвестный" - последовательно романтическое произведение значительно художественного уровня, ставшее ступенью для создания "zrevov bohatierskych", "богатырских сказаний" Штура на исторические темы. Стоит отметить, что это песенное произведение Штура на новом словацком литературном языке.

Герой баллады "Неизвестный" - безымянный герой,

блуждающий по ночам вдоль берегов Вага, близ руин Тренчина. События баллады окружены таинственностью; дважды — при появлении и после исчезновения призрака — говорится о том, что никто не знает ни его имени, ни целей, ради которых он бродит около развалин. Шумы ночной природы вместе с мистическим подземным гулом сливаются в "темную музыку", которая призраку нравится. Но в целом округа погружена в сонную тишину, словно во власти злых чар. Неоднократно напоминается, что тишина не изначально, что в далекие времена здесь слышался шум боя /его отголоски и долетают из-под земли/. Призрак был полководцем; об этом говорят и его облик /сабля, сапоги со шпорами/, и его поведение: он отдает приказ невидимому войску, пытается пробудить замок — но никто не отзывается, безжизненные руины не слушают приказа. Лишь из неясной легенды, своеобразного "ядра" баллады, мы узнаем, что призрак будто бы когда-то был властелином Тренчина и Вага; не успев свершить то, что ему было предназначено, он приходит посмотреть, что делается в земном мире. Только исполнение его мечты, не осуществленной при жизни, сможет дать ему покой. При всей безрадостности нарисованной поэтом картины, последняя строка баллады звучит просветленно; полуразрушенная тренчинская башня, оживающая по ночам, еще напоминает о былом величии "и сохраняет надежду" / в. 163/.

Под призраком подразумевается Матуш Чак Тренчинский, легендарная фигура, ставшая центральной в более поздней эпической поэме Штура — "Матуш из Тренчина", — о которой речь пойдет далее. Отрывки из поэмы, в которых Матуш предстает "богатырем, сыном свободы", в фольклорном образном обрамлении, публиковались в середине 40-х годов в "Орле татранском". Тогда же был опубликован и фрагмент другой поэмы-сказания — "Святобой". Выбор этой фигуры был, видимо, обусловлен влиянием К.Кузмани. Полумифический образ времен падения Великой Моравии, Святобой впервые появляется у Штура в "Думках вечерних" /часть УП/ — и тоже как безымянный скиталец, к тому же грешник, опла-

кивающий свою судьбу. В поэме отношение автора к персонажу становится более благоприятным: королевич Святобой - зачинщик братоубийственной войны, приведшей к иноземному завоеванию родины, - искупает свой грех отшельничеством и своего рода "будительской деятельностью".

После революции 1848-1849 гг. Штур-поэт напоминает о себе книгой "Сказания и песни" /1853/^х. В ней он выступает в двух ипостасях, характерных для словацкой романтической поэмы: как автор элических поэм на исторические темы /"Святобой" и "Матуш из Тренчина"/ и как провинциальный лирик, автор патриотических и интимно-дружеских стихотворений. Следуя своим теоретическим принципам, Штур не выдвигает камерно-субъективную лирику на первый план - хотя, по нашему мнению, именно в этой области его талант реализовался с достаточной яркостью. Лирика образует цикл "Воспоминания"; в нем немало произведений прежних лет, переведенных с чешского на словацкий, иногда с небольшими изменениями. Более оптимистичным стало, например, стихотворение "Встреча", в первом варианте которого лирический герой предрекал себе раннюю смерть. Менее "бурым" оделалось и словацкое стихотворение 1846 г. "На вершинах".

Как уже было сказано, в центре исторических произведений Штура - его любимые аллегорические персонажи: отшельник Святобой, сын короля Святоплука, и Матуш Чах Тренчинский, идеализированный венгерский феодал XIV в. - "властитель Вага и Татр". В осмыслении этих фигур Штур вкладывал надежды и разочарования своего поколения. Поэт в романтическом ключе /отчасти под влиянием Мицкевича/ продолжает традиции эпосов Яна Голлого. /Интересно,

^х Название "Spreu a piesne" мы переводим как "сказания и песни", чтобы избежать повтора и одновременно разграничить жанры: "сказания" - элические поэмы, "песни" - лирика.

что при первом обращении к образу Святобая — в "Думках вечерних" — Штур берет эпиграфом строки из "Копрада Валленрода"/.

Матуш Чак стал для романтиков такой же эмблемой борьбы за свободу и независимость словаков, как и разбойник Яношик. Штур даже сюжетно связывает Святобая и Матуша, подчеркивая легендарный характер обоих. Святобой мечтает о вятизе, который вернет словацким землям славу и расцвет времен Великой Моравии; без этого отшельнику не будет покоя, он бродит привидением у своей могилы. Матуш как бы берет на себя героическую миссию, узнав предание о Святобое, но с его смертью вновь наступает упадок и порабощение. Витязь-освободитель теперь уже видится в национально-освободительном движении шуторовской эпохи (что выражено в заключительной песне поэмы о Матуше/. Однако следует учесть, что "богатырские сказания" публиковались после революции, в обстановке разочарования и пораженческих настроений.

Эпическим сказанием Штура, вероятно, недостает глубины, пластичности либо драматичности, присущих лучшим образцам эпической поэзии в словацком романтизме — "Детвану" Сладковича /1853/, поэмам-преданиям Я.Краля, героическим песням С.Халупки, поэме Я.Ботто "Смерть Яношика" /1862/. Как мы уже сказали, Штур по природе был скорее лириком, но в соответствии со своими теоретическими взглядами стремился освоить наиболее "почитаемый" жанр — героический эпос. И все же нельзя не отметить, что в эпических поэмах и "Неизвестном" есть стиливные достоинства, присущие поэзии Штура в целом /и опять же ярко проявившиеся в субъективной лирике/. Это изящество композиции и образности, легкость ритма, аллитерации, совершенство рифмовки. С точки зрения звукописи примечателен, например, такой фрагмент:

... Z húšte sa tmavá vrúšť'ala sa skala,
neďaleko stok a nad ním jaskyňa,
tá k obývanju sa mu strán' zašdala;
tam si umienil strávit' svoje roky,
kam prúdiv svetských nezasiahli toky

Частый образный прием Штура – сопоставление /в разных формах/ игры света и тени, солнца и мрака с противоречивым душевным состоянием лирического героя или персонажа – мог бы восприниматься как самоповтор, но этот прием нигде не повторяется буквально и всегда оригинален. Можно говорить, следовательно, лишь о недостаточном разнообразии тропов.

Что касается лирики Штура в 50-е годы, то она отражает и горестные чувства, связанные с поражением революции, и несгибаемость духа, новые надежды; это выражено в стихотворном послании к Й. Гурбану, оставшемся в рукописи, и в других стихах – в частности, в "Примечании" /1850/:

По vekoch i nám vyjde slnko z mrakov:

Bela noc, ráno, bude deň Slovákov

/"Спустя века и для нас выйдет солнце из-за туч: // были ночь, утро, будет день словаков". В. 278/. Символика солнца и туч – центральная в зрелой поэзии Штура – в определенной степени характерна и для других словацких романтиков. У Я. Краля, например, мотивы злой непогоды, черной бури, а вместе с ними – одиночества и тоски, звучат намного драматичнее, нередко с нотой безысходности: "Вокруг меня тучи, громы вьются, // я лечу, лечу, пока меня не убьют..." – "Орел"⁷. Штур все же ищет равновесия, гармонии, света. В одном из последних стихотворений /"В грустные дни жизни моей...", 1853/ Штур говорит уже о лучике надежды для себя: навеки ли на "моих горах" залегли тучи, улыбнется ли мне еще солнышко? Поздняя лирика поэта исполнена сокровенных переживаний; их причины – разлука с родным краем, смерть близких людей: в начале 50-х годов умерли родители Штура, брат Карол, Адела Остролуцка. Разчарования и невзгоды заставляют поэта почувствовать преждевременную старость: "Моей молодости

мир, уже облетевший цветок..." / §. 285/. Но и в дни "жгучей печали", оглядываясь на свой "тернистый путь", лирический герой не теряет присутствия духа. Даже тогда, когда надежды поколения "испарились, как роса", остаются хотя бы светлые воспоминания: "...И для нас цвела весна" /"на могиле матери", 1855. §. 181/.

Штуру принадлежат также стихи, выбитые на памятнике Яну Голлому /1854/. Сложенные в античных строфах /постоянные формы Голлого/, полные любви и надежды, стихи эти упрочили связь поэтических поколений.

Лирика Штура в эти годы привлекает сдержанностью и исповедальной искренностью. К родной природе поэт обращается как к близкому другу /например, в стихах, посвященных лиле у родного дома/. Конкретные, "заземленные" впечатления, отразившиеся в поздней лирике Штура, изящная простота формы во многом превосходят первые шаги реалистической словацкой поэзии.

Обращение к литературному наследию Людовита Штура подтверждает, что его личность немыслима без его поэтического творчества. Это не стихотворные упражнения филолога, но обозначение нового пути, по которому пошла поэзия словацких романтиков. И, кроме того, стихи Штура обладают несомненными художественными достоинствами. Поэтому и история словацкой литературы немыслима без анализа творчества Штура-поэта.

Примечания

1. Цит по: Pišút M. O nedocenenej poézii Ľudovíta Štúra // Štúr L'. Dielo. Zv. 4: Básne.- Bratislava, 1954. S.380.
2. См. в частности: Ibidem. S.379-387; Kochol V. Ľudovít Štúr// Pišút M. a kolektív. Literatúra národného obrodzenia.- Bratislava, 1960; Pišút M. Romantizmus v slovenskej literatúre.- Bratislava, 1974. S. 349-358.
3. См.: Pišút M. Romantizmus v slovenskej literatúre.S.357.
4. Štúr L'. Dielo. Zv.4. S. 17.- Далее цитаты по данному изданию, страницы указаны в скобках.
5. Janko Král' vo výbere Milana Rúfusa.- Bratislava, 1976.
6. Chalupka S. Básnické dielo.- Bratislava, 1973. S.14.
7. Janko Král'... S.153.

И. Штур и венгерская романтическая поэзия

Эпоха романтизма в искусстве стран Центральной и Юго-Восточной Европы совпала с поистине романтической эпохой в их истории. 40-е годы XIX века принесли во многие из этих стран небывалый расцвет литературы, поэзии, и почти везде фигуры романтических поэтов были тесно связаны с национально-освободительной борьбой народов этого региона.

Давно признается, что словацко-венгерские отношения в рассматриваемую эпоху имеют по сравнению с другими межнациональными отношениями литератур свои специфические черты, определяемые не только внутрилитературными, но и внешними факторами: общая жизнь в одном государстве, двуязычие, билатеральность, общие политические особенности — и при этом стремление к насильственной мадьяризации словаков и пр.¹

Именно поэтому встает перед исследователем два современника, которые стали каждый для своей нации знаменем национально-освободительного движения, были, как мы попытаемся показать чрезвычайно близки друг другу в вопросах искусства, творчества и тем не менее боролись друг против друга с оружием в руках. Это Людовит Штур и Шандор Петефи — поэты-романтики, история жизни и поэзии которых, особенно при сопоставлении, являет собой вполне романтический сюжет.

Постольку поскольку оба они были активными участниками исторических событий, общих для Словакии и Венгрии, нельзя не остановиться на некоторых сложнейших моментах переделения истории словацкого и венгерского народов. На рубеже IX-X вв. территория Словакии была захвачена венграми и включена в состав венгерского государства. До XVI века произошло несколько серий освободительных процессов в Словакии, в результате которых она снова установила свою власть над северными областями Венгрии. В XVI веке часть Словакии и часть Венгрии были захвачены тур-

ками. Постепенно и Словакия и Венгрия попали под политическое и экономическое влияние Габсбургов, и в ХУП-ХУШ вв. словацкое крестьянство приняло участие в венгерском антигабсбургском движении куруцев. Последнее состоятельство привело, кроме всего прочего, к тому, что у двух народов оказался общим большой фольклорный пласт - куруцкие, разбойничьи песни. К 40-м годам XIX века углубляется процесс насильственной мадьяризации Словакии. И наконец во время драматических событий революции 1848 года интриги Габсбургов приводят к тому, что борющиеся за национальное освобождение словаки с оружием в руках выступают против борющихся за национальное освобождение венгров, помогая подавить выступление последних против в сущности общего врага. Вот на этой исторической волне и предстают перед нами две удивительно схожие фигуры братьев по поэзии, поставленных Историей во враждующие лагеря - Штура и Петефи.

Оба они были поэтами и публицистами, оба боролись за свободу своих народов, оба оказали определяющее влияние на развитие своих литератур. И политическая вражда их была вынужденной, как вынужденным, не имманентным его сознанию был австрославизм Штура. В 1847 г. вождь венгерской либеральной оппозиции Лайош Кошут заявил, что в Венгрии он никогда не будет признавать иного народа кроме венгерского. В марте 1848 года жизнь Штура подверглась непосредственной опасности из-за преследований его сторонниками Кошута. В подслушанном одним студентом разговоре Кошут якобы сказал: "Убрать Годжу, Штура и Гурбана - и конец словакам"². В результате всего этого вожди словацкого восстания получили оружие в Вене и предприняли три военных похода против венгров /в двух первых Штур принимал непосредственное участие/. Штур стремился добиться конституционного отделения Словакии от Венгрии /такие обещания Веной давались/, но в конце концов благодаря австро-русским войскам Вена перестала нуждаться в словацком национальном движении и консолидировалась не со словаками, выступавшими на ее стороне, а с

влиятельными кругами венгерской староконсервативной партии. Таким образом, когда после поражения венгерских войск 18 августа 1849 года при Вилагоше, на всех подвластных Габсбургам территориях начался террор, Словакия не получила и крупицы обещанной свободы.

О непосредственных взаимовлияниях между двумя поэтами речь может идти лишь в малой степени. Несомненно, что Штур был знаком с поэзией Петефи. В пользу этого утверждения говорят следующие факты: упоминание имени Петефи в словацкой прессе начинается с 1844 года³, Штур знал венгерский язык /а поэзия Петефи в это время на венгерском постоянно и печаталась, и читалась, и пелась/, кроме того, он был знаком с переводившим Петефи К. Гавличком Боровским. Неоднократно отмечалась перекличка парламентской речи Штура 1847 года со стихотворением Петефи "А мей" /"народ"/ как по общему пафосу, так и по прямой, хотя и не отмеченной прямо, а потому могущей быть совпадением цитате: "Лишь бедняк свою родину любит". С нашей точки зрения, если это простое совпадение, то тем нагляднее оно выявляет внутреннюю типологическую общность творчества и мировоззрения Штура и Петефи. Данные о знакомстве Петефи с произведениями Штура нами не найдены.

Тем не менее несомненная связь их поэтического наследия отражается в факте непосредственного, много раз заявленного влияния поэзии Петефи на последователей Штура в Словакии, плеяду романтических поэтов — представителей "штуровской школы". Начнем с того, что близкий друг и последователь Штура Янко Крадь изучал право в Пеште, где сблизился с радикально настроенными деятелями венгерской революции, группировавшимися вокруг Шандора Петефи и Михая Танчича. Хорошо был знаком с его сочинениями Андрей Сладкович⁴. Особый же интерес представляет с нашей точки зрения, тот парадоксальный факт, что Ян Ботто вдохновляет словацкий народ на национально-освободительную борьбу /в том числе и против венгров!/, передавая "Национальную песнь" Петефи. Два варианта перевода

под названием "Поход" помещены в его сборнике 1851 года среди словацких песен. Ботто был достаточно талантлив, чтобы самостоятельно написать вдохновляющую национальную песнь, но по всей видимости, он хотел сделать известной словакам гимн революции, который стал единым для всех народов страны /тем более что сам он в Пеште пережил дни революционного марта 1848 года/.

Противоречий во всем вышеперечисленном более чем достаточно. Вера штуровцев в то, что король защитит их права, и антигабсбургская позиция Петефи — одно из главных, которые вытекают из националистической позиции венгерских революционеров, спровоцировавших словаков на консолидацию с Венной. То, что национальные конфликты раздирали порой буквально братские, родственные отношения венгерского и словацкого народов, столь близких друг другу географически и исторически, иллюстрируется таким мало значащим, если брать его отдельно, фактом, что по матери словаком был сам Петефи. Национальная рознь, породившая множество трагических противоречий, не позволила пристально изучить друг друга столь близким художникам как Штур и Петефи.

Первая прямая параллель между поэзией их напрашивается в отношении и того и другого к фольклору. Конечно, обращение к народному творчеству типично для всей Европы этого времени, для всей романтической поэзии. Оно нашло теоретическое обоснование у Гердера. В этом смысле Штур является более "типичным" романтиком, чем Петефи: с народной стихией связана вся его эстетика от книги "Стихи и песни" до трактата на чешском языке "О народных сказаниях и песнях племен славянских". Петефи же не создал практически никакой теоретической эстетики. Его критико-литературное наследие очень мало. Но народные темы и народные ритмы настолько естественно и непринужденно пронизали его поэзию, что многие его стихи вошли в устную традицию /например тому — стихотворение "Торг", 1845, долгое время бытовавшее в качестве народной песни/. Из разных подходов родились однородные явления в поэзии. Сравним:

Mračno, temno na Povazí,
mesiac sa po ohmárach valí,
hned'sa svetlo z neho leje,
hned'sa v mračnách hustých kalí.

A jak trochu len preletí
a presibne husté mraky,
meče na ňom sa sligocú
a kopija a šišaky.

(L'udovit Štur. Pieseň Svätebojova na Zebore)

Mest uralkodnak a szelek, a viharok,
Egyik fönn a légben megasan kavarog,
Násik alant nyergal
Szikrásó haraggal,
Szikrásik alatta a hó, mint a túzkő,
A harmadik velök birkosni szemközt jó.

...

Alkonyat felé ha fáradtan elülnek,
A rétára halvány ködök települnek,
E csak félig mutatják
A betyár alakját,
Kit éji szállásra prusszögve visz a ló...
Háta mögött farkas, feje fölött holló.

(Petöfi Sándor. A pussta, télen)

В глаза бросается не только достаточно естественная при обращении к сходным темам народной жизни близость предметных рядов: "шгабно" (Mgabnash, шгаку), "shmagach", "тепло" - у Штура; "szelek", "viharak", "ködök"

- у Петефи/, не только общее для обоих и опять-таки характерное для народного творчества обращение к природе: исполненное внутреннего движения одушевления ее, благодаря чему передается состояние души неразделимого с ней человека-певца /прием, прямо декларировавшийся немецкими романтиками/, но и - что особенно сближает поэзию Штура и Петефи, отделяя ее от остальных европейских произведений того же направления - общая ритмика. Последнее особенно удивительно, если вспомнить, насколько разнятся языки их создателей - славянский и угрофинский. Но при дальнейшем исследовании, при обращении к непосредственно фольклорным источникам мы сталкиваемся с тем же феноменом при сравнении венгерской и словацкой народной поэзии. Проиллюстрируем это на примере двух народных песен /словацкая приводится нами в венгерском переводе/:

Nej, nagy erdő, nagy erdő,
övény az erdőben;
derék volt az arám,
betyár lett belőlem.

При том, что можно найти не одну венгерскую народную песню на ту же "разбойничью" тему, из них легко выбрать такую, что строилась бы на ритмичном повторении слова "erdő" - "лео", например:

Erdő, erdő, erdő,
Nagykeréki de azér erdő.
Ebben az erdőben
Megnövelt a rózsza.

Этот пример не единичен, мы нашли их множество. Интересно, что большинство словацких народных песен "ложатся" на венгерские народные мотивы, которые достаточно своеобразны с точки зрения общеевропейской.

Такое "совпадение" как мотивов и ритмов в народной поэзии, так и мотивов и ритмов в поэзии Штура и Петефи требует, разумеется, дальнейшего исследования. С этой точки зрения необходимо не только рассмотреть фольклорные источники, но и попытаться проследить влияние словацкой поэзии на творчество Петефи /быть может, какие-то формы были им буквально впитаны с молоком матери-словачки/, так как до сих пор рассматривается, как правило, обратный процесс: влияние поэзии Петефи на словацкую лирику. Кроме того, чрезвычайно важной представляется проблема немецкого культурного влияния, так как, если Словакия мадьяризировалась, то и Словакия и Венгрия под влиянием Габсбургов онемечивались. Крайне интересной представляется только начатая нами попытка сравнить гимназические курсы в Словакии, Венгрии и других регионах Австро-Венгрии как с точки зрения описания общекультурного процесса, так и с более узкой — например, понять, какие немецкоязычные литераторы были "на слуху", скажем, у Штура и Петефи.

Для творчества Штура и Петефи в целом характерна еще одна общая черта: народные мотивы естественным образом проникают и в их "высокую" лирику, что говорит, с одной стороны, о похожем использовании художественных приемов, а с другой — об общности мировоззрения, о желании наделить народ всей полнотой прав в литературе, как оба они мечтали наделить его полнотой прав и в жизни.

Другой венгерский поэт-романтик, чье творчество близко Штуру — Янош Арань. Он принимал менее активное участие в событиях 1848 года, чем Петефи, поэтому сопоставление его со Штуром не столь драматично. Для него также характерно стремление к использованию в лирике народных мотивов, фольклорных художественных приемов. Но типологическое сходство с лирикой Штура проявляется, как правило, в

любозной лирике, пронизанной темой фатума, рока. Мы упоминаем про него не только чтобы расширить ряд венгерских поэтов, связанных типологическим сходством с лирикой Штура, но и потому, что Арань вместе с Петефи сделал для венгерского языка почти то же, что Штур — для словацкого. Все они своим теоретическим и поэтическим творчеством способствовали созданию, обновлению и обогащению своих национальных языков литературных, что приобрело особенно большое значение для народов, входящих в состав империи Габсбургов.

В заключение хотелось бы обратить особое внимание на необходимость комплексного изучения культуры и истории народов, населявших Австро-Венгрию. Их трагическая разобщенность была искусственной, пример чему хотя бы объединившее многих движение куруцев. Литературы, культуры этих народов постоянно пронизывали и обогащали друг друга, что, к сожалению, возможно, было не понято во времена Штура и Петефи. Последний часто говорил: "У нас в мире нет братской нации, у которой мы могли бы попросить поддержки; мы одиноки, как дерево в пустыне, и можем рассчитывать лишь на самих себя да на Бога"⁵. Мы попытались показать, что не только у всех венгров была братская нация — словаки, но и у самого Петефи был настоящий брат по искусству — Ладовит Штур.

Примечания

1. См., например: Šmel R. Literárne vzťahy slovensko-maďarské. Bratislava, 1973.

2. Руткай Ф. Ладовит Штур. Братислава, 1971.

3. По наблюдению венгерского исследователя И. Чухаща первое упоминание имени Петефи в Словакии относится к 1844 году /газета "Slovak vörela" /.

4. Šmel R. Указ. соч.

5. Petöfi S. Petöfi Sándor prózai művei. Budapest,

ВКЛАД ЛЮДОВИТА ШТУРА В СЛАВЯНСКУЮ ФОЛЬКЛОРИСТИКУ

Зарождение фольклористики как науки относится к первым десятилетиям XIX в. и связано с направлением в философии, науке, искусстве, которое получило название романтизма. Среди романтических идей наибольшую популярность приобрела идея "народного духа", утверждавшая наличие национального единства. Наука о народной словесности отдала дань разработке и обоснованию этих идей. Памятники народной поэзии собирались, изучались с целью раскрыть богатство и глубину народной (национальной) души.

Романтизм эпохи возрождения вырабатывал новые принципы мышления, способствовавшие становлению национально-объединительных стремлений славянских народов. Новое отношение к народной культуре выразилось в переосмыслении ее роли в общественном сознании и истории культуры. Романтики обращаются к народу, его жизни, к устному творчеству. Они осознают, что без изучения народной культуры, без этого существенного и бесценнейшего элемента нельзя говорить о формировании национальной культуры.

Романтическая фольклористика становится составной частью славянских культур. Она не существует обособленно, она питает искусство, без нее не могут существовать ни музыка, ни литература, ни живопись, она включается в контекст культуры не только как набор фольклорных фактов, но и как наука.

Период романтизма характеризуется дальнейшим развитием межславянских отношений в интересах духовного возрождения славянских народов. Единые цели и задачи объединили усилия славянских будителей, способствовали успешному выполнению намеченных программ, девизом которых можно считать слова польского фольклориста Зориана Доленги-Ходаковского: "Работать во славу своих предков и во благо их потомков".

Знакомство с богатствами мировой культуры способствовало обогащению каждой из национальных культур, расширяло

межславянские связи и активизировало сотрудничество славянских ученых, которое было одним из рычагов возрождения.

Для романтиков эпохи возрождения характерен взгляд на прошлое своих народов сквозь призму народного творчества. Они толковали фольклор как поэтическую летопись героической истории. Мифологические, легендарно-исторические и героико-эпические сюжеты и образы прошлого прочно входили в национальное сознание как исторически достоверный материал, как реально существовавшие персонажи. Это служило делу воспитания патриотизма, чувства национальной гордости, выкристаллизовывало национальное самосознание.

Главная мысль романтических постулатов - национальные традиции надо искать в языке народа, в народной культуре - звала энтузиастов на сборище фольклора. Программная установка романтиков - видеть в песне душу народа, в сказаниях, эпосе - историю, в сказке - фантазию народа, а в пословице его философию, мораль, мудрость. Всеобщее увлечение фольклором, порожденное идеями "национального духа", "народной души", стало характерной чертой первой половины XIX в. Изучение фольклора становится главной задачей славянских будителей на долгие годы.

В конце XVIII - первой трети XIX вв. самым распространенным направлением фольклористики было собирище и изучение песен. Появляются многочисленные сборники народных песен в России и во всех славянских землях: русских (Ф.В. Гротовского, И. Прача, М.Д. Чулкова, Кирши Данилова), сербских (В.С. Караджича и Милутиновича), чешских (Ф.Л. Челаковского и Л. Риттера из Риттерсберга), моравских (Ф. Сушила и И.В. Камерита), словацких (П.И. Шаферика и Я. Коллара), далматских (Качича-Миошича), украинских (Цертелева, Максимовича, Ваулава из Олеска, Ж. Паули).

Характерной чертой фольклористов этого времени был их интерес не только к родной песне, но и к народной словесности других народов, в первую очередь славян. Так, В. Ганка в 1817 г. издал сербские песни в переводе на чешский язык "Prostonárodní srbská mýsa do Čech převedená", а в 1834 г. - польские песни-краковяки ("Krakoviáky aneb písň národní

pelské a připojeným původním textem"). Некоторые собиратели публиковали вместе с песнями описание обрядов, которые они сопровождали. Таковы две работы чешского фольклориста И. Дангера "Svatební obyčaje a písně" (Praha, 1832) и "České prostonárodní obyčaje a písně" (ČSM, 1834). В них автор стремился показать самобытность и своеобразие чешского народа ¹.

Сборник песен В. Караджича имел огромное воздействие на славянских патриотов. Не прошел незамеченным он и в других странах. Немецкой публике его рекомендовал Гёте и получил не только отклик, но и последователей в Германии, так как опередил на несколько лет немецкие издания подобного рода. М. Драгоманов подчеркивал, что в деле собирания и публикации сборников песен "в Европе славяне идут не за другими, а самостоятельно, а в чем-то и впереди других" и добавляет: "Среди славянских земель первое место по вниманию к народному творчеству принадлежит Сербии и России, а в ней особенно Украине" ².

О значении издания Караджича писал Ю.И. Венедик, говоря, что сербов уже никто не забудет, так как через песни происходит знакомство с народом и "если песни делают читателю удовольствие, то это удовольствие заставляет читателя упоминать и о самом народе с таким же уважением и также часто, как и об Гомеровою Илиаде или Одиссее" ³.

Сербские песни из собрания Караджича переводились не только на западноевропейские языки, но и на славянские - на чешский, украинский, русский. Я.Ф. Головацкий включил 20 сербских песен из сборника в переводе на украинский язык в альманах "Венок русинам на обжинки" (1846) и поместил статью о разных жанрах песенного фольклора сербов в которой сравнивает сербский и украинский эпос, указывая на общие и отличительные черты. Позже он писал, что песни, опубликованные Караджичем, укрепили в нем веру в то, что народное творчество является неисчерпаемым источником мысли, знания и красоты. Эта увлеченность, влюбленность в родное слово, в поэзию народа, понимание важности собирания жемчужин народной словесности побудили Головацкого со-

создать четырехтомный труд "Народные песни Галицкой и Угорской Руси", результат почти сорокалетней работы.

Выдающийся деятель чешского возрождения Ф.Л.Челаковский глубоко изучил чешский и инославянский фольклор, обогатил чешскую литературу введением в нее духовных и художественных ценностей народной словесности. Он подготовил и опубликовал трехтомную антологию "Славянские народные песни" ("Slovanské národní písně" - 1822, 1825, 1827), в которую включил песни чешские, моравские, словацкие, русские, украинские, лужицкие, сербские, болгарские, словенские. Каждый из томов был посвящен деятелям эпохи славянского возрождения - Вуку Караджичу, Казимиру Бродзинскому и Вацлаву Ганке. Этот труд демонстрировал идею славянского единства. При подготовке его Челаковский привлек не только доступные ему печатные источники, но и рукописные ⁴. Заслуга Челаковского в том, что он познакомил со славянским песенным фольклором в переводе на чешский язык широкую научную общественность, впервые ввел в научный оборот украинские и болгарские песни, показав самобытность этих народов, которые находясь в зависимом и угнетенном положении, должны были доказывать, что они существуют. Сборник Челаковского отличается строго научный подход к подбору текстов песен: в него включены наиболее ценные образцы, истинно народные, что было шагом вперед в деле публикации песенного фольклора, ибо зачастую в сборники попадали не только народные песни, но и обработанные, "улучшенные" собирателями. "Славянские народные песни" вскоре были переведены на немецкий язык И. Вердигом и на польский К.Бродзинским и К.В.Вуйчицким. Антология Челаковского стала образцом для других собирателей, (например, для поляков А.Кухарского и Ш.Дуткевича), давала новый материал исследователям, питала художественную культуру.

В первое тридцатилетие XIX в., кроме изданий сборников песен, появляется ряд исследований, посвященных поэзии славян, главная мысль которых - значение народной словесности и необходимость ее всестороннего изучения. Это работы В. Ганки, К.Бродзинского ("О народных песнях славя." ⁵ в журна-

ле "Вестник Европы" за 1826 г.), Ю. Венелина ("Об источнике народной поэзии вообще и о южнорусской в особенности", 1834; "О характере народных песен у славян задунайских", 1835; "О народной поэзии и особенно закарпатской", 1835), О. Бодянского ("О народной поэзии славянских племен", 1837) и другие. В этих работах авторы стремились представить объективную картину славянского мира, восстановить историческую правду, дать сведения о тех славянских народах, о которых до тех пор было мало что известно. Их рассуждения о фольклоре часто имели прикладной характер, но все это обогащало науку новым материалом и несло огромный эмоциональный заряд.

Словацкая фольклористика возникла в период перехода от классицизма к романтизму. Ее возникновение связано с интенсивным собиранием народной словесности, с первыми попытками теоретического осмысления народного творчества, с утверждением значения фольклора в жизни и культуре народа, нации, с решением вопросов о сущности народной словесности и ее особенностях.

Глубокий интерес к жизни народа, к его духовной культуре пронизывает всю деятельность П. Й. Шафарика, основоположника словацкой фольклористики⁷. В творчестве Шафарика нашло поддержку и отражение направление, которое сформировалось под влиянием философских взглядов И. Г. Гердера и Г. В. Ф. Гегеля и романтических идей национального возрождения, движения, обусловленного нарастающим национальным гнетом, угрозой полной ассимиляции славян.

Идеи романтизма и славянской взаимности побудили П. Й. Шафарика заняться собиранием и обработкой песен. В 1823 - 1827 гг. он издает вместе с Яном Колларом два тома "Светских песен словацкого народа в Венгрии" ("*Písne svetské lidu slovenského v Uhřích*"). Цель этого издания, по мысли Шафарика, - показать литературно-эстетические ценности народной поэзии, стремление дать современным поэтам в руки "образец чистой поэзии"⁸. Следует однако заметить, что Шафарик обратил внимание читателей не только на эстетическую сторону народной песни, но и на языковые и этнические ее особен-

ности, он увидел в песне источник познания характера, жизни и духа народа⁹. Размышления о роли фольклора и его месте в национальной культуре, о материале, который можно почерпнуть в этом кладезе человеческого мудрости, в какой-то мере оразились уже в этом сборнике.

Работая над сборником словацких народных песен, Шафарик писал Я. Коллару в письме, что хотел бы видеть в предисловии "не только похвалу нашим народным песням, сколько скорее краткий исторический обзор славянской жизни наших словаков с древнейших времен до наших дней"¹⁰. В предисловии ко второму тому он отметил любовь народа к песне, которая сопровождает его в труде, отдыхе, в тяжелую годину и веселые минуты. В то же время Шафарик подчеркивал глубокие исторические корни большинства собранных им народных песен.

В 1833 г. в Журнале Чешского Музея словацкий ученый опубликовал статью "Slovancké národní písně". Изучение живой речи народа, сохранившейся в народном словесном творчестве, главным образом в песнях, дало возможность П. И. Шафарика сделать вывод о том, что словацкий язык - это особый славянский язык, отличающийся от чешского¹¹. В письме Ф. Палацкому Шафарик указывал на необходимость сравнить чешские и словацкие народные песни с польскими, русскими и сербскими для более основательного их изучения и понимания.

В фундаментальных трудах П. И. Шафарика "Славянские древности" и "Славянская этнография" во главу истории поставлено устное народное творчество. В них проявляется новый подход - народ перестает быть объектом исследования и становится носителем ценных доказательств древности народа и права его на национальную самобытность. Народ - творец и хранитель культурных ценностей нации, а не пассивный рецептор. Этими произведениями ученый заложил прочную основу для познания жизни, культуры и литературы отдельных славянских народов. Он выразил стремление поработенных народов к свободе, восхищение их песнями, сказками, их верностью своим традициям.

Своими трудами Шафарик показал значение фольклорного материала для научных исследований по истории, языку, куль-

туре, а главное, определил, что является основным в работе с фольклором. Еще в статье "Prohlášení k Slovanům" (1817) он не только сказал о необходимости собирать и публиковать произведения народного творчества — к этому призывал и В. Ганка, — но и обосновал это веление времени, заявив, что таким важным делом надо заниматься не дилетантски, на научных принципах: сбор материала по определенной программе с последующей его интерпретацией с учетом исторических закономерностей культурного и национального развития словацкого народа.

Работа П.И. Шафарика и Я. Коллара осуществлялась в контексте исследовательской деятельности русских, польских, сербских фольклористов. Это была попытка научного овладения проблематикой фольклора, первые теоретические рассуждения о народной словесности, главным образом, о стихотворных ее формах. В подходе к народному творчеству проявились основные тенденции эстетической, философской мысли рубежа веков; было выявлено место и значение народной поэзии в научных исследованиях и в литературе национального возрождения, определена взаимосвязь фольклора и художественного творчества. Это был новый этап в развитии фольклористики — наряду со сбором материала решались вопросы о сущности народной поэзии и ее особенностях¹².

Выявить и реконструировать прошлое народа — такую задачу, по мнению романтиков, должны решать исследователи фольклора. В сборник "Národné spievanky" (Budin: 1834, 1835) Я. Коллар включил лирические песни, ибо лирика дает явлениям идейно-эстетическую оценку и обобщение, а также мифологические тексты, содержащие фрагменты, связанные в народной традиции с мифологическими представлениями, которых еще слышны отголоски обрядовых действий, древних обычаев, празднеств. Таким образом, Коллар подчеркивал значение песни и для эстетики, и для этнографии: "Ony jsou obrazy, v kterých každý národ svůj charakter nejvěrnější maluje a představuje, jsou historie vnitřního světa a života, jsou klíče od svatyně národnosti, kterými kdo otvíratí nezná anebo nechce, ani co jest člověčenství, jesto se v písniích

pastýřských pesně jako v egyptských pyramidách zjevuje, nikdy nepozná¹³.

Научные труды, собственные художественные произведения П.И.Шафарика и Я.Коллара, изданные ими сборники песен пробудили интерес не только к словацкому народному творчеству, но и к словацкому языку и существенным образом повлияли на культурную жизнь Словакии.

Следующий этап развития словацкой и славянской фольклористики связан с именем Людовита Штура. Интерес к народной словесности и народной культуре в целом был обусловлен стремлением словацкого будителя обосновать идею самобытности своего народа.

Ключ к пониманию народной поэзии Штуром и его единомышленниками – в философских взглядах Гердера, выразившего идею всемирной поэзии, т.е. идею универсального понимания и изучения поэзии, которая становится общим поэтическим достоянием¹⁴. У словацких романтиков и прежде всего у Штура такое стремление к познанию и пониманию словесного фольклора разрасталось в культ народной поэзии вообще. Эта идея пронизывает и работы Штура, предметом которых является славянский фольклор, песенный и прозаический.

В литературно-эстетических воззрениях Л.Штур, как и многие его современники, абсолютизировал фольклор, видя в нем выражение национального духа и национальной культурной традиции. Увлечение народным творчеством и его пропаганда сыграли огромную роль в политической концепции Штура. Именно фольклору отводилось главное место в национально-будительской программе штуровцев, они использовали его как один из политических аргументов при выработке новых принципов мышления, способствовавших становлению национально-освободительных стремлений славянских народов, при решении вопросов об их исторической миссии в Европе¹⁵. Одним из главных тезисов этой программы – развитие национального самосознания, познание и освоение национальных культур – через фольклор. Подобную роль сыграл фольклор в эпоху чешского возрождения¹⁶.

Одна из первых работ Штура о народной поэзии – статья

"Письмо венгерского словака редакции "Литературного ежегодника", которую он послал в начале 1839 г. в познанский литературно-критический журнал "tygodnik literacki". Так польские читатели смогли познакомиться с характером словацких песен с Карпатских гор. Некоторые из них ("Нитра, моя Нитра") — овидетельство былого величия и современного унижения ("Боже мой, отче мой") словацкого народа и обвинение в таком положении венгров, угнетающих славян ¹⁷.

В 1844 г. Штур подготовил "Лекции о славянской поэзии" и посвятил их своим ученикам. В них сильно влияние философии Гегеля, считавшего, в частности, что смысл мировой истории заключается в последовательной смене различных национальных культур. Эту идею исповедовал и молодой Штур и верил, что скоро наступит эра славянства и оно должно послужить на пользу всему человечеству. И цель своего поколения он видел в том, чтобы готовить словацкий народ к выполнению этой великой цели ¹⁸. "Лекции" были написаны в таком ключе, при жизни Л.Штура они не публиковались и были известны только в записях его слушателей. В 1875 г. в журнале "Орол" А.Трухля-Ситнянски опубликовал часть "Лекций" в записи, которую сделали К.Модрани и Я.Кадави ¹⁹.

Л.Штур выразил сущность словацкой народной поэзии формулой: "Искусство есть ничто иное, как слияние духа с природой, материей или слияние природы с духом... Поэзия же — самая совершенная форма искусства, так как она своей духовностью очищает" ²⁰. Поэзия славянская — это поэзия поэзий, она "есть и будет гармонией мира" ²¹. Под этим углом зрения Штур и рассматривает народную поэзию, приводя конкретный материал из поэтического наследия славянских народов.

Важным моментом "Лекций" является изложение древнеславянских религиозных представлений — "чтобы мы лучше нашу поэзию понимать могли". Представления первобытного человека об анимизме, об одушевлении им сил и явлений природы легли в основу религии, возникшей на заре истории человечества. Антропоморфизм, примитивное наделение человеческими свойствами природных стихий, с которыми связывались представления о богах, составляет основу славянской мифологии. Проек-

цию этого мировоззрения Штур находит в народной поэзии отдельных славянских народов.

Рассматривает автор и прозаическую эпiku — народные повести — как часть славянской поэзии. И в повестях он призывает своих слушателей видеть древнейшую жизнь славянского пранарода, его характер, нравы и отраженный в них "славянский дух", его подвиги, его любовь, его мысли и его многочисленных героев. Особое внимание уделяет проблеме фантастических превращений (заклятие и снятие чар, колдовства). В народных повестях, иллюстрируя теоретические мысли примерами из словацкой повести о Драгомире.

Естественно, не всё, что было написано Штуром, справедливо и сегодня и некоторые выводы надо принимать сдержанно, но его тезис об удушении праславянского фольклора в процессе поступательной латинизирующей христианизации и до сих пор не забыт²². Из этого тезиса следует, что представителями славянской протонародной поэзии являются по крайней мере три средних племени праславянской агломерации: сербы — в эпике, словаки — в лирике, украинцы — в драматургии. Конкретными примерами из песен этих жанров и заканчивает Штур свои "Лекции о славянской поэзии".

Заключение типично для Штура-будителя — от поэзии он переходит к политике, от истории — к современному историческому моменту и заканчивает императивным восклицанием: "К действию! К действиям!"

Книга Д. Штура "O národných písních a povéstech plemen slovanských" (1853) открывается стихотворением польского поэта Ю. Дунина-Борковского о славянских неснях:

Pieśni a Żywiańskie, jednej matki sóby,

Odmienne licem, barwą rozmaite,

Lesz w jednej wielkiej przeszłości powite...

В этих словах выражено то отношение к народной поэзии, которое было характерно для романтиков, для Штура и его поколения. Работа основывается на методе сравнительно-исторического анализа. Главная её цель — показать, какие нравственные и общественные силы выражает славянская и словацкая народная песня и повесть и подчеркнуть, что в них —

надежная гарантия славянской будущности и величия. Скрупулезно шаг за шагом автор раскрывает темы, которые выделяет в народной поэзии: влюбленность славян в пение, характер их песен; их мироозернение, отразившееся в песне: почитание природы, слитность с ней, глубокое проникновение в ее тайны, знание явлений природы, каждое из которых что-то предвещает; природа — участница человеческих страстей и наслаждений; общение человека с животными и растениями, олицетворение предметов неживых. Также подробно автор анализирует и иллюстрирует жизнь славянина в семье (любовь — нежность, разлука, смерть, побратимство, отцеубийство и др.), его любовь к родине. Все перечисленные темы иллюстрируются песнями почти всех славянских народов ²³.

Диссертация О.М.Бодянского "О народной поэзии славянских племен", опубликованная в 1837 г., была написана в духе прославления народного творчества как отражения жизни народа и его славного прошлого. В частности, он писал: "Поэзия есть самое вернейшее, самое беспристрастнейшее и основательнейшее изображение, отпечаток образа бытия своего народа... Народ не может... воспевать в своих песнях чужую жизнь, чужие деяния, помыслы и чувствования выдавать за свои. Нет, в них он изображает то, что сам испытал собственным своим опытом, что ему выпало на его долю, что он встретил на своем жизненном пути, что он пережил своей жизнью" ²⁴. Задачу своего исследования он видел в выявлении специфических черт, характеризующих фольклор отдельных славянских народов. Диссертация Бодянского в свое время сыграла большую роль и была высоко оценена современниками. Как писал А.А.Котляревский, "это был живой, исполненный воодушевления манифест о славянском характере, раскрывающемся в его поэзии. Еще больше, чем у нас, значение имела эта книга у западных славян: она была переведена на языки сербский и итальянский (гр. Медо Вучичем) и в извлечениях — на чешский (Штуром)" ²⁵. И.И.Срезневский же подчеркнул и то обстоятельство, что она "была посвящена разработке предмета, в то время совершенно нового, неизвестного" ²⁶.

И.Штур был знаком с исследованием О.Бодянского, прини-

мал оценку исторической значимости славянского фольклора, данную московским славистом, но считал, что Бодянский недостаточно владел материалом и не смог показать всей прелести русских, польских, словацких и сербских песен, не сумел показать "цветы нашей поэзии". Описательность и декларативность произведения русского ученого также вызвали критику Штура: недостаточно сказать, что славяне любят природу, надо еще это доказать, тем более, что песни дают возможность сделать это. Для славянина роща достойна воспевания не только потому, что она существует, но и потому, что она — часть жизни человека, она разговаривает с ним, нашептывает ему что-то, вызывает в нем чувства, а ворона не просто каркает — ее карканье предвещает будущие события ²⁷. Штур упрекает Бодянского в абстрактности его выводов и суждений, не соглашается с небезопасным стремлением к глобальным обобщениям, построенным на неполном знании конкретного материала и на поверхностном анализе текстов песен.

Л. Штур в работе "O národných povestiach a piesňach plemien slovanských" ²⁸ проводит сравнение песенных сокровищ славян, используя большой материал, и показывает, что является общим для всех, а что самобытно в поэзии каждого славянского племени. Анализ текстов позволяет автору сделать вывод, что песни возникли независимо друг от друга в разных славянских землях. Что же касается верности и полноты отражения славянского духа в народной поэзии, то Штур на первое место ставит сербскую, а за ней украинскую и русскую песню. Песни же западных славян, по его мнению, не сохранили так верно славянский характер. Среди них выше всех стоит песня словацкая и частично моравская, хотя в них не отражено национальное историческое сознание, которое Штур-романтик считает в народной песне самым ценным.

Таким образом, Штур определил направленность и суть поэзии вообще и народной в частности, а также показал возникновение и развитие искусства у разных народов. На основе сравнительно-исторического анализа духовного состояния Европы и ее искусства с народным словесным творчеством делает вывод: будущее поэзии принадлежит славянам, так как

их народная поэзия обладает наивысшими достоинствами, именно славянская поэзия вдохнет новую жизнь в усталое искусство Европы.

Автор перевода работы Л. Штура на чешский язык Ян Каличак в 1854 г., год спустя после выхода книги в Праге, опубликовал статью в сербском журнале "Световид", в которой дал оценку штуровскому произведению. Сводится она к следующему: 1. Штур показал на примере славянского народного творчества подлинное место, которое заняла поэзия в нерве жизни славянских народов, у каждого в отдельности и у всех вместе. 2. Косвенно предостерег современных авторов от чрезмерного, модного увлечения подражаниями иноземным образцам, указав на недооценку вдохновения, которое может дать творчество собственного народа. 3. Показал, как в своей песне славянин выражает свои чувства по отношению к миру, природе, Богу, родине, семье ²⁹.

Высокую оценку исследованию о славянской народной поэзии дал И.В. Ягич: "Содержанием своим это рассуждение о славянской поэзии очень близко подходит к воззрениям Максимо-вича и Костомарова. С тонким поэтическим чутьем Штур нарисовал картину окружающей славянина природы и всех отношений семейной жизни, как они отражаются в его душе и в его поэзии. Это не было голословной характеристикой в роде книжки Бодянского, а все сказанное подтверждалось примерами... Правда, картина им нарисованная, была вынужена ему односторонней влюбленностью в свой предмет, повинувшись которой он хотел представить в лучшем свете разные преимущества славян и их народной поэзии, всё же неблагоприятное обходя молчанием" ³⁰.

Исследование Л. Штура "О народных песнях" имело большой резонанс в научных кругах. Вскоре оно было переведено на лужицкий язык А. Смолером, который также интересовался народной словесностью и собирал песни своего народа; на сербский его перевел в 1857 г. И. Бошкович; в 1866 г. вышел словенский перевод словацкого ученого. Частично книга переводилась на русский и украинский языки.

"Лекции о славянской поэзии" и труд "О народных песнях"

написаны на одну тему, автора занимают одни проблемы, но это два совершенно разных произведения, по мнению исследователей творчества Л.Штура. Прежде всего, они отражают настроение автора двух разных периодов и в его личной жизни, и в жизни страны, народа. Если "Лекции" написаны перед революцией, то второе произведение — после революционных событий 1848—1849 гг. Главное же различие — в философии обоих трудов. Во второй книге чувствуется сдвиг к ирреальной мистике, в ней сильны уже мессианские мечтания. "Лекции" же были выражением предреволюционного реального прагматизма, целью их было пробуждать, активизировать, будить слушателей к новой вере в национальное развитие. После революции эта ожидаемая реальность исчезла в далеких визиях "мира будущего", поэтому здесь побеждает словацкое и славянское мессианство. "Лекции" являются произведением принципиально-го значения не только для словацкой культуры середины XIX в., но и для истории всего словацкого этноса. Многие из того, что Штур выразил в них, позже поквится в его лебединой песне "Славянство и мир будущего" с таким штуровским, романтическим подзаголовком: "Послание славянам с берегов Дуная".

П.И.Шафарик и Я.Коллар, руководимые стремлением продемонстрировать перед культурной Европой богатства народной культуры словаков, издали документальные сборники народных песен. Будительская деятельность, начатая этой публикацией, мотивированная новым отношением к народу, впитавшая прогрессивные идеи Гердера, Караджича, Челаковского и других деятелей предромантизма, была уверенно продолжена Людовитом Штуром, его соратниками и учениками. Они руководствовались более узкой ориентацией на народное творчество, определявшейся практическими побуждениями, и находили в своем народе поддержку и опору.

Работы Л.Штура о песенном и прозаическом фольклоре проникнуты идеей славянского единства, верой в будущее славянских народов, в будущее, к которому придет и словацкий народ в результате национального и социального возрождения, через раскрепощение и освобождение от духовного гнета.

Примечания

1. Robek A. Dějiny české etnografie. Praha, [1976]. S. 35.
2. Розвідки Михайла Драгоманова про українську народню словесність і письменство. Львів, 1899. Т. I. С. 54.
3. Два писма от Дрий Ивановича Венелин до Василия Априлов // Сборник за народни умотворения. София, 1889. Кн. I. С. 181.
4. В статье З. Урбана прослежена работа Челаковского над текстами Болгарских песен. Впервые Челаковский опубликовал перевод песни "Девойче младо, юбаво" в ж. "Sloveslav" в 1823 г., а в 1825 г. включил ее с текстом оригинала в свой сборник "Славянские народные песни". Там же была помещена песня "Ойде горо зелена", рассказывающая о печальной участи порабощенной болгарской земли. Именно эту песню Л. Штур включил полностью в исследование "О народных песнях". См.: Urban Z. Celakovský a Bulharsko // Práce z dějin slavistiky. II. Slavistický odkaz F. I. Celakovského. Praha, 1988. S. 167, 168, 170.
5. Песни, по мысли К. Бродзинского, не подвержены этническому влиянию, через песни можно познать обычаи и обряды народа, его практическую философию, мировоззрение. Поэтому так важно собирать народные песни славян, близких по языку, духу, культурным традициям.
6. В этих работах Венелин говорит еще об одном аспекте изучения народной поэзии - о том, что песня является важным источником для славянской литературы. Сравнивая песни русские и украинские, показывает, как в них проявляются разные характеры, темпераменты двух славянских народов ("северянин воспевает свою волю, жанин - свою долю; у первых больше мысли, у последних больше чувства"), их образ мысли, разные устои жизни (Венелин Ю. И. Древние и нынешние словене в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам. М., 1841. Т. 2. С. LX.). Эту же мысль развивал известный польский критик М. Грабовский: "Образцы устного творчества являются плодами народной фантазии. Благодаря им родится будущая литература и будет создана платформа взаимного сближения всех славянских народов". (Grabowski M. Korespondencja literacka. Wilno, 1842. S. 59).
7. Dzubáková M. Ku genéze slovenskej folkloristiky. Bratislava, 1976. S. 62.
8. "...vzor čistej poézie proti rastúcemu množstvu znehodnocovanej poézie osvietených veršovcov". Melicherčík A. Slovenský folklor // Slovenská vlastiveda. D. 2 Bratislava, 1943. S. 261.
9. См. работы словацкой исследовательницы М. Дзубаковой, посвященные главным представителям предромантизма П. и Шафарика и Н. Коллара, их взглядам на народную поэзию: Dzubáková M. P. J. Šafárik a ľudová slovesnosť // Litteraria. 1960, N 4; Preromantizmus a ľudová poézia // Litteraria. 1963, N 6; Ku genéze slovenskej folkloristiky. Bratislava, 1976.
10. Мильников А. С. Павел Шафарик - выдающийся ученый-славист. М.-Л., 1963. С. 13.

11. Позже в работе "Славянские древности" Шафарик писал: "...tekutý a bohatý pramen starožitnosti slovaných jsou i nejstarší nás došlé zbytky domácího básnictví, národní písně a zpěvy, přísloví a pořekadla, naposledy i sám přirozený jazyk slovanů" (Шафарик P.J. Slovanské starožitnosti. Praha, 1837. S.19.

12. Dzubáková M. Ku genéze... S.127.

13. Kollár J. Písne světské... Předmluva. T.2. S.XIV.

Цит. по кн.: Dzubáková M. Ku genéze... S.35.

14. Замотин И.И. Ранние романтические влияния в русской литературе // Русский филологический вестник. Варшава, 1900. Т.43, №1-2. С.48.

15. О великой роли славянства в мировом историческом процессе говорил Гердер, считая, что славяне и славянская культура должны занять почетное место в общеевропейской культуре, сбросив цепи гнета и став подлинными хозяевами тех земель, которые они издавна населяют. Мысль о мессианстве славянства, призванного обновить культуру всего человечества, звучит и в поэме Яна Коллара "Дочь Славы".

16. Leščák M., Sirovátka O. Folklor a folkloristika: O l'udovej slovesnosti. Bratislava, 1982. S.37.

17. Hučko J. Život a dielo l'udovíta Šúra. [Martin], 1988. S.72.

18. Ibid. S.71.

19. Часть "Лекций" долго оставалась неизвестной. Полностью работа опубликована в наши дни: Šúr V. O poézii slovanскеj. Zostavil a edične pripravil Pavol Vongrej. [Martin] Matica Slovenská, 1987.

20. Šúr V. O poézii slovanскеj. S.26.

21. Ibid. S.46.

22. О пагубном влиянии христианства на славянскую культуру, приведем к ее унификации, утрате национальных черт, отличающих один народ от другого, писал предвестник романтизма Зориан Доленга-Ходаковский в работе "О дохристианском славянстве" (1818 г.). Самобытность, этническое своеобразие надо искать не в исторических хрониках, а в традиционной культуре, в сохранившихся обрядах, песнях, сказках. Идея Ходаковского - народное творчество - не только источник для истории, но и для поэзии, - была воспринята современниками и воплотилась в жизнь во всех славянских землях.

23. При работе над книгой Л.Штур использовал "Крале-дворскую рукопись", сборники народных песен Караджича, Милутиновича, Вацлава из Олеска, Меготы Паули, украинские песни из альманаха "Русалка Днестровая", сборники песен Челаровского, Эрбена, Коллара, Сушила, Станко Врза, Гаупта и Смолера, украинские думы, полученные им с помощью В.Ганки. Использовал он и рукописные, неопубликованные материалы.

24. Бодянский И. О народной поэзии славянских племен. М., 1837. С.56.

25. Соч.А.А.Котлиревского. Т.2.С.434. Цит. по кн.:

Иосиф Максимович Бодянский и его заслуги для изучения Малороссии. Б.м. и г. С.III.

26. Срезневский И.И. На память об О.И.Бодянской, В.И. Григоровиче и П.И.Прейсе, первых преподавателях славянской

Филологии. СПб., 1878. С.31.

27. Štúr L'. O poézii slovanskej. S.49.

28. Такое заглавие имеет книга Штура в первом словацком издании 1932 г.

29. Štúr L'. O poézii slovanskej. S.17 Рецензия Я.Калинчака "Niekoľko slox o Štúrovej knihe" была переиздана П.Вонгровем в: Literárny archív. 1972, № 8.

30. Ягич И.В. Энциклопедия славянской филологии. СПб., 1910. С.521. М.А.Максимович, высказывавший, по мнению Ягича, сходные со Штуром воззрения на природу славянской поэзии, писал в Предисловии к сборнику песен, изданного им в 1827 г.: "...большое внимание заслуживают памятники, в коих вполне выразилась бы народность: это суть песни, где звучит душа, движимая чувством, и сказки, где отсвечивается фантазия народная" (цит. по кн.: Розвідки Михайла Драгоманова... С.55). О песне как летописи славного прошлого писал И.Н.Вагилевич в статье, написанной им для альманаха "Русалка Днестровая" (1837): "Памятник прошлым славным дням народа стоит и теперь, и перестойт нас и наших детей в песнях обрядовых". (Вагилевич И.М. Передговор к народным руським пісням / Письменники Західної України 30-50-х років XIX ст. Київ, 1965. С.158).

31. Husko J. Op.cit. S.193,221.

32. В цикле песен "Из-под ярма" Светозара Ваянского, одного из плеяды будителей родного народа, продолжателя дела штуровского поколения, есть слова: "zít' budem v náro-
de, kým Tatrá stojí!" Это и credo Л.Штура. Поэтическая строка звучит как клятва в верности своему народу. В ней стремление "поддержать в родном народе бодрость и энергию, развить в нем гордое самосознание, подготовить его к мужественной борьбе" (Забочотский П. Песни из-под ярма: Zpod jarma. Básne Svetozára Hurbana Vajanského. Turč. Sv. Martin, 1906/Русский филологический вестник. Баршава, 1907. Т.57, № 1-2. С. 221.

Л. Штур и газета "Словенске народне новине" /1845-1848 гг./ в контексте словацкого национального движения 40-х гг. XIX вв.

В 40-х гг. XIX в. сформировалось новое поколение словацкой национальной интеллигенции /будителей/, постепенно принимавшей на себя роль идеологов и вождей словацкого национального движения. Это поколение вошло в историю под именем одного из самых выдающихся его представителей - Лдовита Штура - как "штуровское поколение", "штуровцы".

Чрезвычайно важным идейным источником пробуждавшегося патриотизма и национальной активности этого поколения словацкой возрожденческой интеллигенции была идея славянской взаимности /или общности/. Другим, не менее важным источником для формирования национального самосознания и национальной гордости штуровцев было творчество поэта бернолаковского * направления, Яна Голлого, прежде всего, его исторический эпос - поэмы "Сватоплук" и "Кирилломефодиада". Вместе с тем в этот период, с развитием национального самосознания у образованной части словацкого общества, с приходом на арену общественной жизни нового поколения словацких будителей концепция словацкого народа в ее колларовском "чехословацком" варианте изжила себя. На смену ей приходит концепция Штура, основным в которой было представление о словаках как о самостоятельном народе¹. Подходя диалектически, предпочитая "единство в многообразии" монолитному единству "славянского" или "чехословацкого" народов, Штур в своих работах² доказывал, что только тот народ по-настоя-

* Бернолаковцы - представители первого поколения словацких будителей /католики/, создавшие первый вариант словацкого литературного языка.

чему может внести свой вклад в общеславянскую культуру и историю, который сам достигает достаточно высокой стадии развития.

Штуровское поколение начало свою деятельность тогда, когда двойной, австро-венгерский /точнее: "австро-мадьярски й"/ гнет становился особенно опасным для словацкого народа, его дальнейшего существования и развития. В тот период развивавшееся национальное движение венгров, имевших свои национально-государственные традиции, свой господствующий класс, угрожало "плебейскому" словацкому народу мадьяризацией /хотя и не обязательно насильственной/. В это же время австронемецкие правящие круги постоянно использовали этнические и национальные противоречия, считаясь лишь с реальным социальным и политическим соотношением сил в стране и за рубежом и прибегая в зависимости от него то к уступкам, то к нажиму³. Однако это соотношение сил складывалось чаще всего не в пользу словаков. Поэтому вопрос о консолидации словацкого национального движения для начала хотя бы на уровне его гегемона - мелкобуржуазной "национально-сознательной" интеллигенции приобрел в этот период особую остроту. При этом объединиться она могла только при нападении и на основе общей национальной идеологии, а необходимым инструментом консолидации должен был стать единый литературный язык.

Одним из наиболее важных и решительных шагов к сближению словацкой католической и евангелической интеллигенции было возникновение в 1834 г. в Буде "Общества любителей словацкого языка и литературы", председателем которого стал Я.Коллар, хотя большинство его членов принадлежали к бернолаковскому направлению. В 1835 г. Общество издало первый выпуск своего литературного альманаха "Зора", где были опубликованы работы представителей обеих конфессий.

С середины 30-х гг. все более важным компонентом развивавшегося национального движения становились словацкие студенческие организации. Особое место среди них за-

нимало созданное в 1829 г. "Чешско-славянское общество" при евангелическом лицее в Братиславе⁴, которое постепенно завоевало признанный авторитет и ведущее положение по отношению к студенческим обществам, создававшимся в других городах Словакии /Верхней Венгрии/. В деятельности Общества значительные изменения произошли в 1834-1835 учебном году, когда оно стало объектом целенаправленной деятельности С.Халупки и особенно А.Врховского, являвшихся в то время студентами венских высших учебных заведений, связанными дружескими отношениями с представителями радикально и патриотически настроенной молодой интеллигенции из Чехии, Моравии и польских земель. Они находились, в частности, под значительным воздействием поэзии А.Мицкевича. Врховский, например, предпосылкой "земного счастья и национального процветания" считал свободу, его интересовало тяжелое положение находящегося под феодальным и национальным гнетом словацкого крестьянства⁵.

Пользовавшийся авторитетом у многих представителей своего поколения Врховский, в свою очередь, сумел рассмотреть в 20-летнем Ладовите Штуре, учившемся в лицее и активно сотрудничавшем в Обществе, талантливого и целеустремленного человека, преданного своему народу, хорошего организатора, способного преобразовать Общество в главный политическо-организационный центр младословацкого движения, который стал бы образцом для всех остальных словацких студенческих обществ. Деятельность представителей национальной интеллигенции по всей Словакии нужно было направлять на достижение основной цели: свободы и счастья народа /при этом под свободой понималось, в первую очередь, свободное и беспрепятственное национальное развитие/. Члены Общества под руководством Штура, ставшего в 1835 г. заместителем председателя, создали архив, привели в порядок библиотеку. Они разделились на три группы по специальностям: поэтическую, философскую и историческую. Количество членов, до этого колебавшееся от 20 до 30 человек, в 1834-1835 учебном году увеличилось почти

вдвое. В начале 1835 г. Общество решило выпустить альманах "Плоды...", где были собраны лучшие работы членов Общества, в том числе и бывших /в 1836 г. альманах вышел из печати/. В своих выступлениях Штур подчеркивал, что оларой народа, у которого судьба отняла самостоятельность, должны быть все словацкие патриоты, заботящиеся о его просвещении, хранящие язык, нравы и традиции отцов и смело выступающие в защиту его чести против всего, что угрожает словацкой народности и ее политическому существованию. Чтобы члены студенческого общества получили более глубокие сведения о своем "славянском народе" и его "чехословацком племени", Штур сопровождал чтение "Дочери Славян" Коллара обширными и конкретными лекциями по истории, религии и литературе славян, используя "Историю славянского языка и литературы" Шафарика.

Постепенно, уже в это время, кроме национальных проблем, предметом пристального интереса Штура становится простой словацкий народ, прежде всего, тяжелый удел словацких крестьян / это нашло отражение и в его поэзии тех лет /; все больше и больше стремится он понять причины и сущность этого положения и искать способы его исправления. По предложению Врховского создается категория так называемых сельских членов Общества, которые должны были развивать национально- и культурно-воспитательную деятельность в массах словацкого народа. В дипломах, выдававшихся сельским членам Общества, был девиз: "Все для народа и его блага"⁶. Вместе с сельскими членами и учащимися низших классов Братиславского лицея в 1836-1837 учебном году Общество насчитывало уже 120-130 человек.

В этом же году в Братиславе прошли демонстрации, на которых студенты лицея, независимо от национальной принадлежности, выступали под лозунгами справедливости, гуманизма и свободы, в защиту своих прав и интересов. После этого, весной 1837 г. это студенческое общество, а вслед за ним и другие, были распущены венгерскими властями. В какой-то степени продолжить дело, начатое Обществом в Братиславе, удалось созданному вместе сего Славянскому

институту, а также кафедре чехословацкого языка и литературы /существовавшей при евангелическом лицее в Братиславе с начала XIX в./, особенно с того момента, как - в феврале 1837 г. - заместителем профессора на ней стал Л.Штур. К кафедре и Славянскому институту перешли библиотека и архи. Общества. Деятельность кафедры и института в Братиславе дополнялась деятельностью членов тайного общества "Взаимность"⁷, которое в течение двух лет своего существования много сделало для сближения католической и евангелической интеллигенции, а для народа начало основывать читательские кружки, библиотеки; его члены под руководством Врховского стремились просвещать народ и развивать в нем национальное самосознание, чтобы таким образом расширить и укрепить социальную базу словацкого национального движения. Перед прекращением своей деятельности, вызванным вмешательством правящих кругов и полиции, члены общества "Взаимность" наметили основание политической газеты, развлекательного журнала, Словацкого национального общества /Матицы/, созыв съезда словацкой интеллигенции, организацию петиций.

В начале 40-х гг. происходило обострение как австро-венгерских, так и словацко-венгерских противоречий; руководством евангелической церкви в лице графа К.Зая была провозглашена программа скорейшей мадьяризации словаков. После того как в альманахе словацких студентов липня в Левоче были помещены стихи, выражавшие "всеславянскую идею", Зая ликвидировал студенческие языково-литературные кружки во всех лицеях. Такая пол. гика привела к первой акции протеста: в 1842 г. делегация словацкой евангелической интеллигенции передала императору петицию, в которой, кроме жалоб на насильственную мадьяризацию, излагалась определенная культурно-языковая программа. Составители петиции просили о названии словаков на должность цензоров, о создании кафедры славистики в Пештском университете, о введении словацкого языка для преподавания в школах на территории Словакии. Петиция вызвала лишь репрессии против словацкого движения. Одно-

временно стала разгораться идеологическая борьба в печати, главным в которой был вопрос о способности словаков к самостоятельному политическому развитию. В противоположность венгерской публицистике, утверждавшей, что словаки — лишь этнографическая группа и таковой останутся, Л.Штур в ряде своих статей, опубликованных в "Аутсбургер альгемайне пайтунг" доказывал способность словаков стать "субъектом политического права".

Одновременно с этой полемикой ведущие деятели словацкого национального движения /Л.Штур, А.Врховский, М.М.Годжа, Й.М.Гурбан и др./ стремятся к созданию надконфессиональной национальной организации и политической газеты и стараются добиться разрешения властей на это. Все чаще раздаются голоса о необходимости создания Матицы словацкой или другой организации, подобной созданной в 1826 г. Сербской матицы⁸.

Необходимость в общенациональной организации в известной мере была реализована созданием в 1844 г. "Татрина" — "Общества друзей народа и жизни словацкой". Общество это было создано в значительной степени благодаря энергичной деятельности Л.Штура. Это была одна из самых важных акций словаков перед революцией 1848 г. Первым председателем Татрина стал М.Годжа, Л.Штур и Й.Гурбан — членами исполнительного комитета. Согласно уставу общества, его целью было "всеми законными средствами строить чистую словацкую жизнь и независимо от религиозных, сословных и других различий между людьми, формировать, поддерживать, продвигать и распространять словацкую культуру и поднимать словацкое национальное самосознание"⁹.

Хотя основателями и членами общества первоначально были протестанты, в него принимались и католики. В первый год своего существования Татрин имел 23 членов, к концу 1845 г. он насчитывал уже 60, а к моменту роспуска в 1847 г. — 80. Большинство составляла интеллигенция, жители Липтовского Микулаша и окрестностей, а также многих других мест. За время существования Татрине штуровцам удалось предпринять ряд важных шагов, направленных на по-

ощрение и поддержку развития словацкой культуры путем издания и распространения книг и финансовой помощи нуждающимся студентам /ученикам/. Штур использовал Татрина также как трибуну для борьбы с алкоголизмом, организуя среди населения общества трезвости, распространяя различные брошюры. Он боролся за создание воскресных школ и читален /одна из последних в Братиславе имела 800 томов книг/.

На почве Татрина утвердилась и пришедшая на смену метафизической схеме Коллара штуровская концепция славыянства и словацкого народа. Другим очень важным моментом деятельности Татрина было принятое в 1847 г. на встрече в Чахтицах /в которой участвовали 70 ведущих представителей национального движения/ решение о едином словацком литературном языке в его штуровском варианте. Таким образом Татрин, хотя и не получивший официального разрешения на свою деятельность, не имевший собственной типографии, все же, наряду с созданным в 1845 г. под руководством Я.Францисци, Общесловацким союзом студенческой молодежи объединил вокруг себя словацкие национально-культурные силы.

Образованию Татрина предшествовали заседания венгерского государственного собрания в 1843-1844 гг., на которых были приняты законы, согласно которым венгерский язык становился единственным не только в законодательстве, правительственных учреждениях, официальной деловой жизни, но и в образовании. Вслед за этим Штур был смещен с должности руководителя языкового отделения Братиславского лицея.

Большую часть своей энергии Штур посвятил в эти годы борьбе за единый словацкий литературный язык, за так называемую "штуровщину", ставшую основой современного литературного словацкого языка¹⁰. На этом языке был издан второй выпуск редактируемого И.М.Гурбаном литературного альманаха "Нитра". На нем в августе 1845 г. Штуром начала издаваться первая словацкая политическая газета "Словенске народне новини" с литературным приложением

"Орел Татранский".

Стремление штуровцев издавать политическую газету определялось насущными потребностями словацкого национального движения. Оно имело корни в борьбе и стремлениях их предшественников, но особенно участились призывы к созданию собственной политической газеты в конце 1830 - начале 1840-х гг., когда в частности, развернулась полемика по вопросу о способности словаков к самостоятельному политическому развитию. Об этом говорили и писали словакам также польские, чешские и другие славянские деятели. Так, например, в конце 1837 г. польские студенты-радикалы в беседе с А.Врховским и некоторыми другими представителями молодой словацкой интеллигенции рекомендовали выпускать политическую газету, чтобы она просвещала народные массы и будила в них интерес к родному языку¹¹. В это же время Ф.Кампелик обращал внимание братиславской студенческой молодежи на современную ей политическую жизнь Венгрии и на необходимость издания собственной газеты¹². В кругу представителей самой словацкой интеллигенции также стали раздаваться голоса в пользу такого издания, при этом на словацком языке, понятном читателю¹³.

В начале июня 1839 г., в связи с уже задуманным журналом "Самолет Словенска" М.Годжа предлагал решить вопрос и с газетой, а двумя месяцами позже, С.Халупка в письме к А.Врховскому советовал отложить предварительный план о создании научного журнала, предназначенного в основном для интеллигенции. Он утверждал, что обращаться только к образованным слоям - ошибочно и даже вредно и что такой журнал все равно не встретил бы понимания в незрелых еще культурных условиях Словакии. "Наша сила, - писал он, - основана на низших слоях народа, на сельскохозяйственном, ремесленном и торговом сословиях"¹⁴. Поэтому он советовал выпускать популярную газету или журнал для народа, помещая там, помимо литературных рецензий, заметок и статей о промышленности, об изобретениях, также и политическую информацию.

В декабре 1839 г. Й. Гурбан поддержал проект М. Годжи выпускать газету в Пеште и старался ознакомить образованных людей в разных уголках Словакии с примерной программой газеты и привлечь их к оказанию помощи в ее создании. Однако в этот период не оказалось подходящего редактора, и это оказалось одной из причин того, почему стремления к изданию газеты остались нереализованными.

✓ Возвратившийся в сентябре 1840 г. в Братиславу /после учебы в университете в Галле/ Людовит Штур стал не только подходящим кандидатом в главные редакторы газеты, но и весьма энергичным и последовательным борцом за ее разрешение. К этому времени Штур, ознакомившийся с философией Гегеля и во многом находившийся под влиянием его концепции, имел более или менее сложившиеся взгляды на основные проблемы словацкой жизни. Среди главных задач, поставленных им перед собой, было основание словацкой политической газеты и борьба за место депутата в венгерском государственном собрании. И то, и другое дало бы ему возможность публично заявить о нуждах словацкого народа от его лица.

Обучаясь на теологическом факультете в Галле, Штур в то же время готовил себя к светской профессии. По его собственному признанию, особый интерес он проявлял к "историческим и политическим наукам"¹⁵, помогавшим ему понять положение собственной народности, судьбой которой он прежде всего интересовался, анализируя общественные и культурные условия ее развития в рамках современной ему социально-экономической и общественно-политической ситуации в Венгрии. По корреспонденции Штура можно проследить развитие его мыслей и представлений о будущем органе печати. С начала декабря 1840 г. он намеревался выпускать газету еженедельно, размером в один печатный лист и с приложением того же объема. Приложение, по плану Штура, должно было включать описание словацких областей, достопримечательностей, народный фольклор и стихи в национальном духе.

Разрешения на издание газеты Штур и его сторонники

добились с большим трудом. Лишь после нескольких попыток, в январе 1845 г. от императора Фердинанда V был получен положительный ответ.

Первый номер "Словацкой национальной газеты" /"Словенске народне новiny" - далее "СНН"/ вышел в свет 1 августа 1845 г. и, по свидетельству современников, это событие отмечалось как настоящий народный праздник во многих уголках Словакии.

С самого начала газета была ориентирована на словацкие народные массы. При этом предполагалось, что она должна иметь, в первую очередь, национально-просветительский характер. Еще в начале 1843 г. языком газеты решено было сделать словацкий /хотя о самом литературном языке - "штуровщине" - и его кодификации было впереди еще много дискуссий/.

Образцом для "СНН" послужили печатные органы, в которых до этого прошла школу словацкая пишущая интеллигенция, в частности, такие, как газета "Пражске новiny". Аналогичную роль для газеты и ее приложения сыграли и собственные словацкие литературные и научно-популярные издания. Среди подписчиков газеты были видные представители словацкой и чешской интеллигенции: М.М.Годжа, А.Г. Шкультетя, Я.Кадави, Э.Герометта, П.Й.Шафарик, Я.Калинчак, Л.В.Фрич и др. Вообще подписчиками и наиболее активными /что видно по их письмам в газету/ читателями газеты были представители интеллигенции, в основном учителя и священники, немногочисленной словацкой буржуазии и некоторые - немногие - представители дворянства. В 1846 г., по свидетельству младшего брата Штура, число подписчиков составляло 400 человек. Но фактически читателями газеты являлся гораздо больший широкий круг людей, так как в письмах в "СНН" и заметках постоянно встречаются свидетельства о том, что она читается прихожанам, посетителям воскресных школ, членам обществ трезвости и т.д.

Л.Штур придавал газете чрезвычайно важное значение. В своей корреспонденции он называл ее: "важнейший орган нашей жизни", "высший орган национальной жизни". Основной

ее целью он считал "организацию общественной жизни" - и это не случайное высказывание. Очевидно, что вся предыдущая публицистическая деятельность главного редактора "СНН" /а он много и плодотворно сотрудничал и с "Новыми Хорватскими" и особенно с чешским журналом "Кветы", с польскими и немецкими газетами/ убедила его в том, что наиболее действенным печатным органом, который доходил бы до сознания широких народных масс и влиял на них, является политическая газета на языке народа. Важность этой газеты увеличивалась уже тем фактом, что она, помогая вести начатую борьбу "за язык и народность", являлась фактически единственной трибуной словацкого национального движения.

При активной помощи других словацких деятелей Штур подготовил почву для деятельности газеты, создав по всей Словакии обширную сеть корреспондентов /внештатных/, без которых газета не смогла бы существовать. Тщательно подбирая он штатных корреспондентов /или редакторов/, разыскивая их среди наиболее способной молодежи. Члены редакции были полны энтузиазма и любви к своему народу, а также являлись образованными людьми, отличались разносторонними способностями.

По тематике весь материал - разумеется, условно - можно разделить на три основные проблемные группы: социально-экономические, национально-политические и образовательно-просветительские статьи и материалы.

Статьи Л. Штура и его помощника по редакции П. Кельчер-Гостинского свидетельствуют о постепенном формировании антифеодальной по своей направленности социально-экономической программы словацкой мелкобуржуазной интеллигенции. В своей статье "Слово к стати" Штур, в частности, писал: "Урбармальную зависимость, как бы к ней ее не защищали и не отстаивали, надолго удержать уже не удастся; она противоречит духу гуманизма, препятствует развитию людей, наносит ущерб их достоинству и богатству всей страны"⁶. В другой - одной из самых известных своих статей "В чем наша бедность?" - Штур так же недвусмысленно

ленно подчеркивал, что причиной бедственного положения Словакии остается феодальная зависимость народа, "которая привела его в жалкое состояние". Такие статьи Штура в тот предреволюционный период имели тем более важное значение, что еще не все представители словацкой интеллигенции, большая часть которых отличалась демократическими взглядами, поняли, что без ликвидации феодальных отношений невозможно улучшить положение народных масс /так, например, протестантский священник Ш.Гомола путь к спасению словацких крестьян из их бедственного положения видел в их переселении на более плодородные земли Хорватии и Славонии/.

Размышляя о радикальных мерах улучшения положения народа, Штур и его единомышленники из числа ведущих представителей словацкой интеллигенции выдвинули накануне революции 1848-1849 гг. следующие основные требования: ликвидация феодального землевладения и освобождения крестьян от урбаральных повинностей и обложения налогом всех без исключения землевладельцев. Выступая за всеобщее и обязательное освобождение крестьян от повинностей за выкуп, в котором им должно помочь государство, Штур - в статье "Наши надежды и требования к собирающемуся государственному собранию" /осень 1847 г./ - подчеркивал, что выкуп этот должен быть произведен легчайшим способом, с помощью банков, так как мало помещиков, которые хотели бы предоставить эту возможность своим крестьянам, а также мало крестьян и общин, которые располагали бы достаточными средствами.

Штур выступил в защиту свободных королевских городов, фактически лишенных политических прав /все эти города на территории Венгрии имели лишь один совещательный голос в государственном собрании/, а также за ликвидацию всех привилегий дворянства и церкви.

Такова была социально-экономическая программа большинства представителей умеренного крыла словацкой интеллигенции, с которой Людовит Штур в качестве депутата от города Зволен выступил осенью 1847 г. в государственном

собрании Венгрии. Программа эта была фактически адекватна платформе наиболее прогрессивных представителей венгерского дворянства во главе с Л. Кошутом. Несмотря на то, что немногочисленные представители созданного в тот период радикально-демократического крыла /Я. Край, Я. Францисци, Ш. Дакснер и примыкавший к ним в течение некоторого времени Й. М. Гурбан/ критиковали Штура, призывая его к углублению социальной программы, к тому, чтобы в "СНН" отражалась более четкая политическая линия, исходящая из интересов простого народа, чтобы не делалось попыток склонить на свою сторону аристократию¹⁷, сами не смогли противопоставить программе и линии Штура свою достаточно четкую программу. Кроме того, хотя Штур, сознавая определенную справедливость этой критики, появившейся уже осенью 1845 г., во многом ее учел, особенно в 1847 г., в период написания последних статей, он не мог в тот период исходить лишь из интересов простого народа, как это предлагал Я. Францисци. Во-первых, сами народные массы были еще слабыми, необразованными, разобщенными. Во-вторых, отталкивать от себя немногочисленное "национально-сознательное" дворянство и другие, недостаточно передовые, но представления радикалов, слов - означало в тот период отказаться от линии на консолидацию нации.

Национально-политическая проблематика на страницах газеты не менее обширна, чем проблематика социально-экономическая, но, пожалуй, более разнообразна. Прежде всего - это статьи, в той или иной мере затрагивающие или освещающие историю вообще или особенно историю словаков в составе Венгрии на фоне истории и современного их автору положения всей Европы. В них освещается положение и развитие словаков как народности, вопрос о едином литературном словацком языке и его необходимости, о воспитании у широких народных масс национального самосознания.

Особое место в этом ряду занимает статья Штура "Пан-

славизм и наша страна"*. Автор вполне обоснованно отрицает наличие политических панславистских устремлений у славян в тот период, тем более в том виде, в каком их представляют враждебные славянам и неосведомленные коуги¹⁸. Данная статья — это аргументированная и энергичная /насколько это позволяло наличие цензуры/ защита словацкого и других славянских народов, тянувшихся к национальному развитию, защита всех тех словацких патриотов, которых обвиняли в панславизме за самые минимальные национальные требования.

Для сопоставления взглядов словацких и венгерских журналистов, представлявших две разные национальные идеологии, интересны многие полемические статьи и заметки, опубликованные под рубрикой "Обзор журналов". Например, в одной из таких статей идет полемика с венгерской прессой на тему: "Что такое нация и чего ожидают словаки от венгров". Автор /из предосторожности написавший лишь, что он "из духовного института в Трнавe"/ упрекает венгерского журналиста, крайне удивленного появлением в Венгрии "какой-то словацкой народности или нарсда", в беспринципном и неверном понимании того, что такое "народ" или "нация". Нация, — пишет словацкий автор, это не механическое соединение в одно целое людей, имеющих одну конституцию, а определенная общность людей, имеющих свой язык, свои собственные нравы и обычаи. И хотя он не говорит об экономической общности, все же его определение ближе к исторической действительности. Венгерский же оппонент, как и подавляющее большинство венгерской интеллигенции того времени, не замечал на территории Венгрии других народов, кроме единственного всеобъемлющего "нацио хунгарика" и на этом основании не признавал за ними никаких прав.

* Статья была написана в связи с преследованиями деятелей словацкого национального движения повиннистическими настроенными венгерскими кругами за воображаемый "политический панславизм".

Большое внимание Штур и его газета уделяли вопросам, связанным с борьбой за единый литературный словацкий язык. Именно потому, что у словаков элементом, цементирующим нацию, мог и должен был стать единый /национально-конфессиональный/ словацкий язык, борьба Штура и его сторонников за его кодификацию была необходимой и неизбежной. В этой своей деятельности они, как известно, столкнулись не только с представителями венгерского /мадьярского/ и чешского национальных движений, но и со многими представителями собственного, словацкого национального движения, придерживавшимися либо колларовской концепции о "чехословацком племени" и искренне считавшими "сепаратистские" стремления штуровцев вредными и вредными для словацко-чешских отношений и для самих словаков, либо сторонниками бернцлековского варианта словацкого литературного языка¹⁹.

Борьба за язык и за штуровскую концепцию отразилась не только в статьях Штура и его единомышленников, работавших в газете и постоянно сотрудничавших с ней, но и во множестве писем - откликов на вышедший в Праге подготовленный Колларом сборник статей против "штуровщины" /"Голоса о необходимости единого литературного языка для чехов, моравян и словаков" / из Братиславы, Белой Горы, долины, Банской Бистрицы, Нитры и многих других мест, напечатанных под рубрикой "Отечественный дневник", в которых звучит твердое убеждение в том, что в словацком языке "жизнь племени словацкого", что без него словаки как народ не могут жить²⁰.

Важную роль в утверждении и развитии словацкого литературного языка играл "Орел Татранский" - литературное приложение к газете. Наряду с первым общесловацким обществом Татрин, 2-м выпуском альманаха "Нитра" и вышедшим с 1846 г. журналом Й.М.Гурбана "Словенске погляды..." газета с приложением представила широкие возможности и для развития словацкой литературы, написанной на новом языке /в "Орле" с поэтическими произведениями, с историческими повестями выступили самые видные представители

романтизма - в поэзии С.Халушка, А.Сладкович, Я.Краль, Я.Ботто, в прозе - Я.Калинчек и др./ . Некоторые прозаические произведения имеют своим источником народный фольклор и подражают ему с целью донести до читателя прелесть народного языка и народных образов. Интересны и всякого рода путевые дневники, знакомящие своих читателей со славянскими землями, характерами, нравами и обычаями . /Из материалов такого рода особенно интересны "Письма из незнакомой земля" Б.Босака, автор которых любовно описывает природу Закарпатья, приводит отрывки из народных песен, рассказывает о природе и обычаях братского народа/. В многочисленных критических статьях и рецензиях, автором которых выступает и сам Штур, а также Й.М.Гурбан, Я.Франциски и др. словацкие деятели, основным критерием оценки журнала, учебника, того или иного литературного произведения обычно является то, насколько он /или оно/ служит интересам просвещения словацкого народа, воспитания в нем национального самосознания. И, хотя это свидетельствует об ограниченном определенными рамками подходе, например, к литературному произведению, однако на том историческом этапе, в тех условиях жизни словацкого народа эта целеустремленность была вполне обоснованной.

К осени 1847 г. на страницах газеты и "Орла" сформировалась и национально-политическая программа словацкой интеллигенции. В упоминавшейся выше статье "Наши надежды и требования к собирающемуся государственному собранию" и в своих выступлениях в качестве делегата государственного собрания Штур ставит вопрос о необходимости и своевременности всеобщего обучения и просвещения народа /в связи с задачами буржуазных преобразований, стоящими перед обществом в целом/. "Для словаков, - подчеркивает он, - обучение и просвещение связаны с их родным языком. Если для других народов борьба за родной язык - благородное дело, то почему для словаков должно быть иначе, разве кто-то из них изменил своему венгерскому отечеству?"²¹. От имени словацкого народа он тре-

бывал, чтобы в век, "поднятый стремлений к просвещению и свободе", обучение во всех начальных словацких школах и семинарах, готовящих учителей для словацких областей, а также нравственное и религиозное воспитание проводилось на словацком языке. Так как почти в каждом учреждении требуется знание словацкого языка, то было бы необходимо на соответствующих факультетах учебных заведений, включая и Пештский университет, ввести обязательное изучение словацкого языка, особенно для таких профессий, как богослов, врач, юрист, землемер и т.д.

Таким образом, штуровцы уже к осени 1847 г. пришли со своей программой. В своей социально-экономической части эта прогрессивная, хотя и умеренная программа в основном сходилась с программой Кошута /различались они лишь в некоторых деталях проведения выкупа земли и т.д./, поэтому неудивительно, что она не встретила противодействия у венгерских либералов и что штуровцы, в свою очередь, с удовлетворением встретили весной 1848 г. ограниченные "мартовские законы" венгерского правительства. Лишь начавшиеся выступления крестьянства, недовольного реформами, помогли и самым умеренным представителям словацкой интеллигенции доять эту их ограниченность. В итоге программа эта демократизировалась /в ней, в частности, были выражены требования более последовательного освобождения от феодальной зависимости всех крестьян, расширение демократических прав и свобод населения, введения всеобщего, равного и тайного голосования и полной свободы печати и собраний, за наделение крестьянских общин правами, отнятыми у них феодалами/. Она получила свое организационное оформление в "Микулашских требованиях словацкого народа", принятых 10 мая 1848 г. на собрании 28 деятелей словацкого национального движения во главе со Штуром, Гурбаном и др. в Липтовском Микулаше и явившихся первой государственно-правовой программой словаков в их истории.

Понимая роли Штура и его газет в формировании программы словацкого национального движения, в утверждении и

развитии новой концепции движения и штуровского литературного языка, нельзя не отметить их важную роль в организации так называемых "малых дел", т.е. той деятельности, которая предшествовала борьбе за буржуазные преобразования и национальные права и переплеталась с ней. Наряду с Татрином газета способствовала созданию воскресных школ, организации читален и обществ трезвости, большое значение придавая просвещению масс.

Таким образом в этот важный и ответственный для формирования словацкой нации период Штур наряду с другими выдающимися деятелями словацкого "национально-объединительного" движения принимал самое деятельное и ведущее участие во всех самых важных начинаниях: он стоял у истоков словацких студенческих организаций, из которых вышел он сам со своими сверстниками и следующее поколение словацких будителей, создал новую концепцию движения, единый словацкий литературный язык, что способствовало объединению этого конфессионально раздробленного и слабого движения. Наконец в течение 3-х лет /а это в то время было немало/ руководил первой словацкой политической газетой, игравшей, несмотря на цензуру и определенную собственную ограниченность, роль, отведенную ей Штуром: "организатора народной жизни".

Примечания

1. Матула В. Представления о славянстве в концепции славяноведения Я. Коллара и Л. Штура. // Советское славяноведение, 1978, № 2; Матула В. Характеристики процесса формирования нации у словаков. // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981, с. 85-90.
 2. Štur L. Nárečja slovenskuo alebo potreba písanja v tomto náreči. V Prešporuku 1846. Idem. Náuka reči slovenskej. V Prešporuku 1846.
 3. См.: Освободительное движение народов Австрийской империи. Возникновение и развитие. Конец XVIII - 1849 г. М., 1980, с. 49-50.
 4. Dejiny Slovenska. II. Bratislava. 1987. S. 675-676.
 5. Ibidem. S. 676.
 6. Ibidem. S. 681.
 7. Butvin J. Tajný politický spolok vzájomnosť // Zborník FFWK. Roč. XIV. 1963. S. 3-38.
 8. Šafárikove listy Kollárovy z 19.7 a 16.8 - 1827.
- Цит. по: Butvin J. Snahy o založenie Matice Slovenskej / HČ. Bratislava, 1963. Č. 2. S. 175.

9. Rapant D. Tatrin, Osudy a zápasu. Turč. sv. Martin. 1950. S. 56.
10. Смирнов Л.Н. О роли А.Бернолака в истории словацкого литературного языка // Вопросы языкознания. 1969, № 6; См. также статью Л.Н.Смирнова в настоящем сборнике.
11. Vuvřialová M. Slovenskje Narodňje Novini. Voje o ich povolenie. Martin. 1972. S. 20-21.
12. Ibidem.
13. Ibidem. S. 22.
- 25.7.1838.
14. Ruttkarj F. Введение к факсимильному изданию: Slovenskje Narodňje Novini. I. Bratislava, 1956.
15. Listy L. Stura. I. Bratislava, 1954. N 128.
16. SNN. I. Bratislava, 1956. N 99. S. 395.
17. Dejiny Slovenska. II. Bratislava. 1987... S.733,759
18. SNN. II. N 215.
19. Подробнее об этом см. Смирнов Л.Н. Отражение в литературно-языковой сфере борьбы за консолидацию словацкой нации /середина XIX в. // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европа. М., 1981. С.204-208.
20. SNN. I. N 100.
21. SNN. II. N 274

СОДЕРЖАНИЕ

К 175-летию со дня рождения Людовита Штура	3
Т.М.Исламов. Исторические условия и предпосылки зарождения национальных движений в Венгер- ском королевстве	5
Л.Н.Смирнов. Вклад Людовита Штура в формирование литературного словацкого языка	42
Н.В.Шведова. Л.Штур и развитие словацкой поэзии ...	60
Е.Н.Масленникова. Л.Штур и венгерская романтиче- ская поэзия	75
В.В.Усачева. Вклад Л.Штура в славянскую фолькло- ристику	83
Г.Ю.Харциева. Л.Штур и газета "Словенске народне новини" (1845-1848 гг.) в контексте словацко- го национального движения 40-х гг. XIX века ...	100

Утверждено к печати
Институтом славяноведения и балканистики РАН

Подписано в печать 18.02.92. Формат 60x80/16
6,6 печ.л. 5,1 уч.=изд.л. Тираж 300 экз.

Заказ № 15 Цена **договорная**

Участок оперативной полиграфии Института истории
СССР АН СССР 117036, Москва, ул. дм. Ульянова, 19

42592RU